

**Российская академия наук
Институт проблем рынка РАН**



Международный научный электронный журнал

ПРОБЛЕМЫ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

2018, № 1

Москва

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ И РЕДКОЛЛЕГИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

В.А. Цветков, член-корр. РАН, д.э.н., профессор

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

В.В. Ивантер, академик РАН, д.э.н., профессор

В.Л. Макаров, академик РАН, д.э.н., профессор

В.В. Окрепилов, академик РАН, д.э.н., профессор

Л.Х. Саидмуродов, д.э.н., профессор (Республика Таджикистан)

В. Сюй, д.ю.н., профессор (Китайская Народная Республика)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Е.Л. Логинов, д.э.н., профессор РАН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

А.В. Ляпин, к.ю.н.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Н.С. Зиядуллаев, д.э.н., профессор

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

А.Л. Арутюнов

А.Р. Бахтизин, чл.-корр. РАН, д.э.н., профессор

С.И. Борталевич, д.э.н., доцент

К.Х. Зоидов, к.ф.-м.н., доцент

Ю.А. Ковальчук, д.э.н., профессор

М.Р. Когаловский, к.т.н., доцент

А.Ф. Мудрецов, д.э.н., доцент

З.К. Омарова, д.э.н.

М.Г. Прокопьев, д.э.н., доцент

С.Н. Сайфиева, к.э.н., доцент

И.М. Степнов, д.э.н., профессор

А.С. Тулупов, д.э.н., доцент

С.В. Чернявский, д.э.н., доцент

Г.Л. Шагалов, д.э.н., профессор

А.А. Юрьева, к.э.н., доцент

Журнал «Проблемы рыночной экономики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Лицензия Эл № ФС77-63284 от 06 октября 2015 г.

Международный стандартный номер сериального издания журнала "Проблемы рыночной экономики" - ISSN: 2500-2325. Журнал индексируется в РИНЦ.

Проблемы рыночной экономики

2018, № 1

Оглавление

Экономика России и регионов	5
<i>А.А. Шутьков</i> Проблемы активизации воспроизводственных процессов в решении задач импортозамещения	5
<i>Н.В. Лясников</i> Маркетинг на предприятиях АПК и проблемы его развития.....	14
<i>З.К. Омарова</i> Развитие национальной корпоративной системы в условиях глобализационных процессов и усиления международной напряженности.....	20
<i>Ю.А. Ковальчук, М.Э. Мерзлякова</i> Ценовое измерение тенденций развития рынка потребительских товаров выборочного спроса.....	26
Модернизация и инновации	33
<i>Е.Л. Loginov, V.E. Loginova</i> The stability-saving process of the cooperative behavior of autonomous agents` teams in dynamic problematic spheres of the digital economy	33
<i>М.Н. Дудин</i> Современные подходы к инновационному процессу в АПК.....	39
<i>П.В. Медведев, О.Е. Медведева</i> Оценка перспективности использования метана угольных пластов в качестве газомоторного топлива	45
Мировая экономика	49
<i>В.А. Islamov, N.S. Ziyadullaev, U.S. Ziyadullaev, D.B. Islamov</i> Liberalization of Exchange Rate Policies:International Experiences and Lessons for Uzbekistan.....	49
Международная экономическая интеграция	58
<i>К.Х. Зоидов, А.А. Медков, З.К. Зоидов</i> Сопряжение и инновационное развитие транспортно-транзитных систем России и стран Западной и Южной Азии	58
<i>М.М. Зияева</i> Восстановление Великого шелкового пути.....	69

**ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
ЖУРНАЛА**

Редакционная коллегия журнала «Проблемы рыночной экономики» сообщает, что, начиная с первого номера за 2018 год, журнал будет выходить в новом формате с одноколонным представлением текста.

Редколлегия убедительно просит авторов при подготовке статей, представляемых для публикации в журнале, ознакомиться с правилами оформления статей и следовать этим правилам. Правила для авторов можно найти на сайте журнала.

Ждем Ваши статьи.

ЭКОНОМИКА РОССИИ И РЕГИОНОВ

УДК 338.436.33
ГРНТИ 06.71.07

Проблемы активизации воспроизводственных процессов в решении задач импортозамещения

А.А. Шутьков, академик РАН, д.э.н., профессор
E-mail: shutkov@yandex.ru

Аннотация

Предмет/тема. В статье изложены теоретико-методологические и практические аспекты экономической политики в воспроизводственном процессе сельскохозяйственного производства и в обеспечении населения продуктами питания с учётом современных геополитических условий. **Цели/задачи.** Цель представленной статьи заключается в рассмотрении сущности экономической политики, расширенного и простого воспроизводства и принципов его формирования. **Методология.** Методической основой данной статьи являются экономико-статистические методы анализа, нормативно-правовые документы в сфере обеспечения продовольственной безопасности РФ, а также открытые аналитические материалы в области решения проблемы трансформации внешнеэкономической деятельности предприятий АПК. **Результаты.** В статье установлено, что обеспечение устойчивого развития сельского хозяйства, решение проблем импортозамещения основных продовольственных товаров возможно лишь на основе осуществления научно обоснованной экономической политики. Дана оценка состояния экономики села, воспроизводственных процессов и продовольственной безопасности сельского хозяйства. Были выявлены факторы, влияющие на воспроизводственные процессы с анализом причин системного кризиса аграрного сектора экономики. Предложены основные направления корректировки экономической политики по устойчивому развитию сельскохозяйственной промышленности, её модернизации, преодолению деформации структуры воспроизводства с учетом разработки ресурсно-инновационной стратегии развития отрасли. **Выводы/значимость.** Во всем мире (Россия не является исключением) аграрное производство является крупнейшей жизнеобеспечивающей сферой народно-хозяйственного комплекса. Его состояние и экономическая эффективность функционирования оказывают решающее влияние на уровень продовольственного обеспечения и благосостояния народа. В настоящее время назрела объективная необходимость разработки качественно новой программы развития агропромышленного производства с учетом его последовательной модернизации, переходом на ресурсно-инновационную модель функционирования, основанную на концепции партнерского взаимодействия государства, науки и бизнеса. Обоснована необходимость пропорционального развития отрасли сельского хозяйства. **Применение.** Полученные выводы и результаты исследования могут быть использованы при разработке региональных и локальных программ обеспечения продовольственной безопасности и реформирования системы управления предприятий в сфере сельского хозяйства и агропромышленного производства.

Статья подготовлена ИПР РАН в рамках государственного задания, тема НИР «Мониторинг и прогнозирование стратегического развития АПК».

Ключевые слова: антикризисная программа, сельское хозяйство, санкции, импортозамещение, простое и расширенное воспроизводство, материально-техническое обеспечение, экономическая политика, инновационные и инвестиционные процессы, трудовые ресурсы, управление

С научно-методологической точки зрения можно говорить о том, что в настоящее время экономическая политика России формируется под воздействием комплекса факторов, связанных с санкциями со стороны, прежде всего, Евросоюза и США, ухудшением отношений с рядом государств мира и Украиной, эмбарго на продовольственные товары, с кризисом финансовой системы страны и девальвацией рубля. России брошен жесткий вызов необходимости разработки правительством Антикризисной программы. В этих условиях обострились проблемы, основными из которых являются рост цен на продукты питания и обеспечение продоволь-

ственной безопасности, которое невозможно без разработки новых инструментов импортозамещения основных продовольственных товаров.

Стоит отметить, что оценка и учет этих факторов диктует необходимость разработки качественно новой экономической политики, направленной на ведение расширенного воспроизводства в АПК, обеспечения продовольственной независимости с принятием эффективных мер по импортозамещению производства мяса, молока, картофеля, ряда видов овощной продукции, фруктов и ягод.

Объективно очевидно, что в новых кризисных условиях хозяйствования экономическая политика должна носить системный характер, прежде всего, с учетом корректировки организационно-экономических отношений, активизации инновационных и инвестиционных процессов, увеличения финансовой поддержки товаропроизводителей на базе исследований глубинных изменений в воспроизводственной структуре экономики.

Результаты

Анализ Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 гг. показывает, что заложенные в ней параметры экономической поддержки села не будут способствовать решению проблем ведения расширенного воспроизводства и импортозамещения. Приходится констатировать, что развал сельского хозяйства не остановит и антикризисная программа правительства, принятая в январе 2015 г., в которой для села дополнительно выделено всего лишь 50 млрд. руб. К сожалению, в ней предусмотрены очередные диспропорции распределения финансовых ресурсов между реальным сектором экономики и финансово-кредитными учреждениями, стимулирующие формирование крупного банковского сектора с его спекулятивным характером.

Вместе с тем, необходимо четко понимать, что в настоящее время в условиях трансформации конкурентной среды развитие экономики агропромышленного комплекса и его основного локомотива - сельского хозяйства характеризуется совокупностью наиболее опасных тенденций и рисков в воспроизводственном процессе, а именно: распадом производительных сил; деиндустриализацией; нарушением пропорций в развитии отраслей; разрушением научно-технического потенциала; дефицитом квалифицированных кадров; низким уровнем социальной защищенности сельского населения.

С учетом решения задач по воспроизводству, направленных на импортозамещение в аграрном секторе, их целесообразно рассматривать как непрерывное движение и возобновление процессов производства и реализации сельскохозяйственной продукции, формирования и развития производственных отношений и рабочей силы.

В экономической науке воспроизводство рассматривается в формах простого и расширенного. Процесс повторения и возобновления производства, осуществляемого в неизменном масштабе, которое характеризуется отсутствием накопления, относится к простому воспроизводству, а процесс повторения и возобновления производства в возрастающих масштабах на основе модернизации и интенсификации за счет увеличения прибавочной стоимости в капитале называют расширенным воспроизводством.

Расширенное воспроизводство сельского хозяйства и сфер АПК является основой обеспечения продовольственной безопасности страны. Наиболее приоритетными принципами формирования и развития механизмов активизации процесса импортозамещения следует считать:

- учет единства сельского хозяйства при производстве продукции, использовании рабочей силы и производственных отношений с другими сферами АПК, а также национальной экономики;
- оптимизацию взаимосвязи производства, распределения, обмена и потребления при формировании внутреннего и внешнего рынков;
- необходимость пропорциональности в осуществлении всех стадий воспроизводства между накоплением и потреблением, между стоимостной формой и натурально-вещественным содержанием ее составляющих сегментов;
- обновление основного капитала, интенсификация, модернизация производства на основе развития инвестиционных и инновационных процессов;

- переход к экономике шестого технологического уклада с использованием ресурсно-инновационной стратегии воспроизводства;
- улучшение социального положения крестьян и демографической ситуации, формирование высококвалифицированного кадрового потенциала.

Большинство из перечисленных принципов являются актуальными практически для всех сегментов агропромышленного комплекса, взаимосвязанных с ним отраслей и обеспечения их устойчивого развития.

В свою очередь, деформация национальной экономической системы и АПК, которая связана с нарушением структуры производства материально-технических ресурсов, внешнеэкономическими отношениями, диспаритетом в ценообразовании, разрывом кооперативных и интегрированных связей, является самой основной угрозой в воспроизводственном процессе аграрного сектора и его модернизации при решении проблем импортозамещения.

По нашему мнению, можно выделить ряд факторов, оказывающих влияние на структурную деформацию: отсутствие экономической поддержки сферы АПК и ее научно-обоснованной системы управления; мотивационные действия государства, направленные на развитие топливно-сырьевого комплекса; использование либеральной модели механизма финансово-кредитной системы, основой которой является вывод капитала из страны.

Мы разделяем мнение ряда исследователей о том, что в настоящее время функционируют механизмы, которые ориентированы на решение задач ряда зарубежных стран, где используется российское национальное богатство, в рамках которых Россия экспортирует энергоресурсы в обмен на продовольствие. Часть валютных ресурсов, вырученных от реализации нефти, минеральных удобрений, продукции металлургии, остается в странах, купивших эту продукцию, при всем этом происходит сокращение российской продовольственной базы [4].

Анализ показывает, что за 1990-2016 гг. в структуре общих затрат на производство сельскохозяйственной продукции доля материальных издержек возросла с 46,5 до 62%. За это время количество зерна, необходимое для оплаты одной тонны дизельного топлива увеличилось в 6 раз. За 2000-2016 гг. цены на бензин возросли в 4,2 раза, дизельное топливо в 4,9, электроэнергию в 5,4 раза при росте цен на зерно в 3,4 раза, молока 3,5 раза. Вышеперечисленные и ряд других факторов привели к значительному снижению удельного веса сельского хозяйства в национальной экономике. В 2016 г. по сравнению с 1990 г. удельный вес валовой добавочной стоимости сельского хозяйства страны снизился с 16,4 до 3,7%, инвестиции в основной капитал с 15,9 до 2,9 %, основные фонды с 11,4 до 2,7% (табл. 1).

Таблица 1

Доля сельского хозяйства России в национальной экономике (в %)

Показатели	1990	2000	2005	2008	2010	2016
Валовая добавочная стоимость	16,4	6,6	4,7	4,2	3,6	3,7
Инвестиции в основной капитал	15,9	2,7	3,9	4,6	3,0	2,9
Основные фонды	11,4	7,1	3,5	3,0	3,1	2,7

Попытки определения путей и способов вывода сельского хозяйства из кризиса с повышением его доли в экономике России были начаты с принятием Федеральной целевой программы стабилизации и развития агропромышленного производства в Российской Федерации на 1996-2000 гг., утвержденной указом президента Ельцина Б.Н. Однако в силу сырьевой направленности развития страны, агропромышленному производству была определена второстепенная роль, и программа развития не была реализована в полном объеме, как и последующие многочисленные законы, программы, стратегии и другие документы. Приходится констатировать, что рост цен на материально-технические ресурсы также негативно сказался на развитии села.

В 1990 г. удельный вес прибыльных сельскохозяйственных предприятий составлял 97%, а уже в 2016 г. он снизился до 82%. Такое экономическое положение привело к крайне низкому обновлению основных фондов и особенно сельскохозяйственной техники. По данным Росстата за 1990-2016 гг. количество тракторов в сельскохозяйственных организациях уменьшилось с 1365,6 тыс. шт. до 22,8 - в 6,1 раз, культиваторов с 602,5 до 85,3 тыс. шт. - в 7,5 раз, зерноуборочных комбайнов с 407,8 до 59,3 тыс. шт. - в 6,9 раз, кормоуборочных комбайнов - с 120,9 до

13,3 тыс. шт. - в 9 раз. По сравнению с США, в России нагрузка пашни на трактор меньше в 3,5 раза, посевных площадей зерновых культур на зерноуборочный комбайн, соответственно в 6,5 раза.

С опасным процессом динамики деиндустриализации села, отсутствием необходимой техники, высоком уровне ее износа связан обвальный вывод пашни из оборота, небывалое сокращение посевных площадей. За 1990-2016 гг. в стране посевная площадь уменьшилась с 117,7 до 79,9 млн. га или на 32,2%, что соответствует территориям сельскохозяйственных угодий Германии, Франции и Италии вместе взятых.

Следует отметить, что в истории России, когда стояла задача ведения расширенного воспроизводства, повышения уровня обеспечения населения отечественными продуктами питания на ресурсно-инновационном подходе в управлении, за 1954-1960 гг. в Алтайском и Красноярском краях, в Новосибирской, Омской областях, в Поволжье, на Урале и Дальнем Востоке было освоено 16,3 млн. га целинных и залежных земель.

В настоящее время риторика руководителей Министерства сельского хозяйства и Правительства с информацией о том, что аграрный сектор экономики России вышел из кризиса не соответствует действительному положению. В стране в 2016 году действительно получен высокий валовой сбор зерновых культур (120,7 млн. т). Однако этот рекорд ниже уровня 1976 г. на 5,5% (127,4 млн. т) - т.е. 40-летней давности. Особенность использования зерна в те годы состояла в том, что оно шло в основном на внутреннее потребление для животноводства с созданием рабочих мест и преодоления сезонности в использовании трудовых ресурсов на селе. Сегодня эта крайне необходимая продукция идет на экспорт через посредников в интересах крупного капитала.

Анализ показывает, что в 2016 г. производство валовой продукции в сопоставимых ценах по сравнению с 1990 г. было меньше на 4,4%. В настоящее время страна находится в полной продовольственной зависимости от импорта. Более чем 15 стран мира поставляют мясо, молоко и другую продукцию, доля которых в рационе населения составляет около 40%.

В 1990 г. импорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья закупался на сумму 9,2 млрд. долл. США, в 2005 г. возрос до 17,4, в 2010 г. до 36,4, в 2016 г. до 24,9 млрд. долл. Односторонняя ориентация на экспорт зерна, лоббируемая крупными монополиями, при сокращении производства на корм для отечественного скота и птицы привели по существу к ликвидации животноводства, обвалу поголовья скота и птицы. В 2016 г. по сравнению с 1990 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось с 57 до 18,8 млн. голов (в 3 раза), свиней с 38,3 до 22 млн. (в 1,7 раза), овец и коз с 58,2 до 24,8 млн. (в 2,3 раза), птицы с 660 до 516,5 млн. голов (в 1,3 раза).

Принимая во внимание вышесказанное и рассматривая аналитику динамики производства сельскохозяйственной продукции и воспроизводственных процессов, можно констатировать тот факт, что с начала 90-х гг. прошлого столетия наибольшее падение производства агропродукции продолжалось до 2000 г. Далее произошла коррекция ситуации в сторону увеличения объемов производства, однако этот рост оказался недостаточно значительным для стабилизации положительной динамики, а игнорирование властью предложений экономистов-аграрников по введению научно - обоснованного механизма государственного регулирования в сельском хозяйстве привело к глубокой деформации в пропорциях развития растениеводства и животноводства, которая, в свою очередь, привела к вынужденному огромному импорту продовольственных товаров, вызвав по существу экспансию их на российском рынке и потерю продовольственной независимости. За 1992-2016 гг. импорт мяса возрос с 334 тыс. т до 850 тыс. т или в 2,5 раза, молока и сливок сгущенных с 46 до 102 тыс. т или в 2,8 раза, сливочного масла с 25 до 50 тыс. т или в 2 раза, картофеля с 142 тыс. т до 350 тыс. т или в 2,5 раза.

Расчеты показывают, что ввоз такого количества продовольственных товаров равноценен производству 35 млн. т зерна. Сомнительным является качество поставляемой продукции из США, Германии, Китая, Аргентины, Бразилии, Чили, Перу и ряда других стран, что представляет угрозу здоровья для населения. Вызывает тревогу импорт генетически модифицированной продукции, продовольствия с высокой концентрацией антибиотиков. Превышение критического уровня импорта (не более 10%) в стране привело к диктату крупных иностранных корпораций, что стало одной из основных причин резкого роста розничных цен.

Вступление России в ВТО значительно ухудшили условия ведения расширенного воспроизводства в аграрном секторе, а происходящие планомерные изменения системы тарифов на энергоносители привели к дальнейшему ухудшению инновационного и инвестиционного климата и свертыванию отечественного производства.

Эффективную экономику формирует здоровая нация и квалифицированные кадры. Тревожным является естественное демографическое движение населения, так в 2016 г. в стране убыль над рождаемостью превысила на 2286 человек. В дореформенный период продолжительность жизни в России составляла более 75 лет, а в настоящее время она составляет 72 года, тогда как в Западной Европе - 79 лет, в Китае - 75 лет. На общем фоне в катастрофическом состоянии оказалась и демографическая ситуация села. За 1990-2016 гг. при росте уровня рождаемости в городе в расчете на 1000 жителей составило 0,8%, на селе произошло снижение на 5,2%. За эти годы рост умерших городских жителей составил 21,9%, сельского населения 21,3%. За последние годы произошло некоторое снижение смертности, однако оно значительно выше по сравнению с городом. В результате действия этих катаклизмов сегодня депопуляцией охвачено 75 регионов страны, в наибольшей степени она проявляется в областях: Центрального, Сибирского и Дальневосточного округах.

Одной из основополагающих причин депопуляции является деформация структуры производства в развитии растениеводства и животноводства, вызвавшие обострение сезонности использования трудовых ресурсов, рост безработицы. Расчеты показывают, что вследствие сокращения поголовья скота в сельском хозяйстве за последние годы ежегодно теряется более двух миллионов рабочих мест. За 1992-2016 гг. по данным Росстата в стране общая численность безработных возросла с 3,8 до 4,2 млн. человек или на 8%, в сельском хозяйстве - с 651,4 тыс. до 1,5 млн. человек или в 2,5 раза. В настоящее время каждый третий безработный - сельский житель. Уровень сельской безработицы превышает городской на 40%. Наибольшее количество безработных в деревне - это населения до 40-летнего возраста (55%). С этим связано катастрофическое сокращение численности людей, занятых в сельском хозяйстве. В 1990 г. в сельскохозяйственном производстве участвовало 9,9 млн. человек, в 2000 г. этот показатель сократился до 8,9 млн., в 2016 г. до 6,4 млн.

Мы считаем необходимым отметить, что состояние трудовых ресурсов, закрепление на селе кадров зависит от совокупности факторов, наиболее важными из которых являются: обеспеченность населения рабочими местами, высокий уровень доходов, социальное положение крестьян, наличие социальной инфраструктуры, качество жизни. Из указанных факторов особое значение имеет материальное положение. В 1990 г. оплата труда в сельском хозяйстве составляла 95% к среднему уровню по стране, в 2016 г. он опустился до 53,2%, занимая последнее место среди всех отраслей экономики. В 2016 г. при среднемесячной номинальной оплате по народному хозяйству 36,7 тыс. руб., в сельском хозяйстве она составила 21,4 тыс. руб. У 25% работников села заработная плата ниже прожиточного уровня.

Ухудшается социальная инфраструктура, за пореформенный период российское село утратило более 16 тыс. школ (40 %), почти 23 тыс. детских дошкольных учреждений (57%), 24 тыс. домов культуры (38%). Сеть больниц после 1995 г. сократилась более чем на 4,6 тыс. (78%) амбулаторий - на 6,3 тыс. (68%). В результате значительно увеличился радиус доступности для жителей села социальных объектов: школ с 18,8 до 23,2 км, детских дошкольных учреждений с 25 до 31,1 км, больниц с 56,4 до 118,6 км, клубов с 16,5 до 21,1 км. [3].

Полагаем, что выход сельского хозяйства из тупика, куда завели либеральные преобразования, с учетом новых условий хозяйствования должен основываться не на латании дыр, а в смене экономической политики, к основным положениям которой следует отнести:

1. **Необходимость изменения финансово-кредитной политики** с тем, чтобы она способствовала активизации обновления основных фондов, их модернизации. Сегодня подавляющее большинство сельскохозяйственных товаропроизводителей не в состоянии вести не только расширенное, но и простое воспроизводство. Общая сумма их общей кредиторской задолженности достигла критического уровня, превысив 2 трлн. рублей, что составляет в 1,3 раза больше всей выручки от реализации продукции и в 20 раз полученной прибыли.

Ныне около половины хозяйств сферы АПК не имеют доступа к кредитам, а из крестьянских (фермерских) хозяйств - 2/3. Стоимость кредитных ресурсов непомерно велика: процент-

ная ставка почти в 2 раза превышает уровень рентабельности сельскохозяйственных организаций, даже с учетом субсидий (5).

Для ведения расширенного воспроизводства кредиты не должны превышать 3-5% процентной ставки. Следует провести реструктуризацию долговых обязательств. В первую очередь списать просроченную задолженность. Это обеспечит лишь частичную компенсацию потерь финансовых ресурсов вследствие рыночной стихии и спекуляции. Одновременно должна быть уменьшена ставка рефинансирования Центробанка до уровня, действующего в развитых странах мира.

2. Планомерный переход к экономически обоснованной государственной поддержке. Острая конкуренция на мировом рынке, потеря продовольственной независимости России, решение задач по импортозамещению, требуют многократного увеличения финансовых ресурсов, направленных на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей в сферах производства и реализации продукции, обновление материально-технической базы на основе модернизации. Уровень поддержки сельского хозяйства на 1 га. пашни в 2016 г. в России составил около 10 долл. Тогда, как в странах Евросоюза 300 долл., в США - 324, Канаде - 195, в Японии - 475. При таком низком уровне государственной поддержки в российском АПК практически невозможна интенсификация производства с решением задачи по импортозамещению. Финансовую поддержку сферы АПК в ближайшие годы надо увеличить не менее чем в 5 раз, приблизив ее к странам Евросоюза.

3. Изменение структуры производства в сельском хозяйстве. Это важнейшее направление сохранения села и обеспечения продовольственной независимости страны. Экономическая политика в сельском хозяйстве должна основываться на пропорциональном развитии растениеводства и животноводства, которые по вине, прежде всего Минсельхоза и Минэкономразвития России нарушаются многие годы. В настоящее время происходит увеличение экспорта зерна, при недостаточном его производстве в стране на фоне небывалых за всю историю высоких объемов импорта мяса, молока, сыра и другой животноводческой продукции. Расчеты показывают, что импорт продовольственных товаров в пересчете на зерно в 2016 г. составил 46 млн. т.

Что имеет Россия от деформации сформировавшейся структуры производства сельскохозяйственной продукции? Во-первых, обвальный спад производства, во-вторых, резкое увеличение сезонности сельскохозяйственного труда и безработицы (в настоящее время каждый третий дееспособный сельский житель-безработный), в-третьих, продовольственная зависимость от зарубежных стран.

Выход из сложившегося положения должен базироваться на развитии качественно нового механизма стимулирования развития животноводства с учетом: экономической поддержки его подотраслей; роста продуктивности скота и птицы; развития племенного дела; стимулирования производства кормов (особенно люцерны, клевера, гороха, кукурузы, рапса); улучшения кормовых угодий.

4. Необходимость пересмотра мер по активизации инновационных и инвестиционных процессов. В современных условиях трансформации конкурентной среды повышение конкурентоспособности продукции на рынке сельхозпроизводителей возможно только на базе развития инновационно-инвестиционных процессов как единого комплекса. В стране имеется достаточно мощный научный потенциал. За последние годы научно-исследовательскими институтами агропромышленного производства создано более 300 сортов и гибридов сельскохозяйственных культур, 295 новых и усовершенствованных технологий и другой научно-технической продукции. В настоящее время имеющийся научно-технический потенциал используется крайне ограничено, а уровень внедрения научных разработок не превышает 5-7%.

Для повышения инновационной активности необходимо серьезное государственное субсидирование по внедрению высокопродуктивных сортов и гибридов сельскохозяйственных культур, высокопродуктивных пород животных и других направлений модернизации производства.

Сегодня важно не только сохранить, но и повысить уровень научных исследований, связанных с реорганизацией аграрной науки, переподчинением научных учреждений, целью таких преобразований должна быть не ломка старого, а создание нового во имя ускорения научно-технического прогресса. В центре реформы должен стоять не чиновник, не администратор, не

"эффективный" менеджер, а ученый с достойной оплатой, который на самом деле создает научную продукцию. Ему должны быть созданы максимальные условия для творческой работы.

5. Предотвращение деградации трудовых ресурсов и социальной сферы сельских территорий. Если в 1990 г. в сельскохозяйственном производстве России было занято 9,9 млн. человек, то в 2016 г. их число уменьшилось до 6,2 млн. или на 41,4 %. У работников села самая низкая номинальная заработная плата, составляющая лишь 53,2% общероссийского уровня (в 1990 г. - 95%). За эти годы в сельской местности исчезло 16 тысяч деревень. Несмотря на это ресурсное обеспечение в Федеральной целевой программе "Устойчивое развитие сельских территорий на период до 2020 года" в 2015-2017 гг. было предусмотрено сокращение со 104 до 53 млрд. рублей. При такой тенденции (потери трудовых ресурсов и социального обустройства) существует опасность дальнейшей деградации сельских территорий. Эта одна из острых системных проблем, которая должна стать важнейшим стратегическим направлением экономической политики.

Для предотвращения депрессивности и перевода экономики села на устойчивое развитие в условиях неблагоприятной геополитической обстановки необходимо принятие эффективных мер по развитию социальной инфраструктуры с учетом синхронизации нормативно-правового обеспечения стандартизации жизнеобеспечения сельского населения не ниже уровня городских жителей и обеспечить решение комплекса проблем развития сельскохозяйственного производства.

6. Трансформация системы управления и переход в состояние, отвечающее требованиям обеспечения продовольственной безопасности и импортозамещения. Управление с использованием ресурсно-инновационной стратегии развития агропромышленного производства - это та система, где создается эффективная нормативная база, формируются принципы экономических отношений и вырабатываются стратегические механизмы организации производства. Нарушение научных основ управления при принятии решений в планировании и прогнозировании, формировании рынков, развитии науки и техники ведет к деформации экономики, негативным социальным последствиям, о чем свидетельствует удручающая практика аграрных преобразований в России. К сожалению, и ныне действующая Антикризисная программа в кредитной и налоговой политике не отвечает решению задач по импортозамещению.

Опыт формирования экономической политики, обеспечивающей высокие темпы ведения расширенного воспроизводства, имеется как в России, так и за рубежом. В России - это годы после Великой Отечественной войны, когда за 5 послевоенных лет (к 1950 г.) были восстановлены объемы производства сельскохозяйственной продукции уровня 1941 г. Впоследствии село развивалось с ежегодными темпами прироста производства растениеводческой и животноводческой продукции на 8,5 %. Аналогичная практика развития сельского хозяйства в зарубежных странах, в США - реализация программы Ф. Рузвельта "Новый курс" (1933-1938 гг.), интенсификация сельского хозяйства в Китае, Индии и ряде европейских стран.

Заключение

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить, чтобы преодолеть тяжелое финансовое состояние сельских товаропроизводителей, деформацию структуры воспроизводства сегодня невозможно без кардинального изменения экономической политики, учета ошибок, допущенных при разработке ныне действующей Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 гг. [8]. В этой связи необходимо:

- первое - корректировка ныне действующей Госпрограммы и существующей нормативной базы с решением задач финансового обеспечения товаропроизводителей, улучшение системы ведения бизнеса при наиболее полном использовании внутренних ресурсов с учетом доведения их рентабельности до 25-30 %;
- второе - разработка качественно новой Программы по обеспечению продовольственной безопасности с акцентом на импортозамещение, а не с индексами отдельных показателей и направлений (как в ныне действующей Программе), а натуральными ориентирами на перспективу, направленными на: формирование научно - обоснованной государственной поддержки аграрного сектора, его модернизации, решение социальных проблем и улучшение демографической ситуации.

В соответствии с методологией программно-целевого планирования и управления, Программа должна содержать: корректировку законодательной базы, изменение механизма экономических отношений, необходимое выделение финансовых ресурсов, устранение диспропорций в развитии отраслей, четкое определение иерархии целей ресурсно-инновационной стратегии и систему последовательного выполнения задач по модернизации производства с указанием сроков выполнения мероприятий по антикризисному управлению.

Литература

1. Государственная программа "Развитие сельского хозяйства и регулирование рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы".
2. Россия в цифрах. 2014 / Росстат, 2014. - М., 2014. - 581 с.
3. Бондаренко Л. Сельские территории: состояние и регулирование // АПК: экономика, управление. 2014. № 1. С. 68-79.
4. Милосердов В., Борхунов Н., Родионова О. Импортозамещение, продовольственная независимость и аграрная политика. // АПК: экономика, управление. 2015. № 3. С. 3-11.
5. Миронова Н.Н. Формирование и использование производственного потенциала АПК (вопросы теории и практики). - М.: НИБ, 2006. - 368 с.
6. Ушачев И. Стратегические подходы к развитию АПК России в контексте межгосударственной интеграции // АПК: экономика, управление. 2015. № 1. С. 3-14.
7. Шутьков А.А. Продовольственная безопасность: теория, политика и практика. - М.: НИБ, 2011. - 475 с.
8. Шутьков А. А. Система управления агропромышленным комплексом: теория, методология, практика. - М.: Из-во «Дашков и К», 2018. - 389 с.
9. Цветков В.А., Степнов И.М., Ковальчук Ю.А., Зоидов К.Х. Динамика развития экономических систем / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. - М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. - 380 с.

Problems of activation of reproductive processes in solving problems of import substitution

Anatoly A. Shutkov, Academician of RAS, Doctor of Economics, Professor
E-mail: shutkov@yandex.ru

Abstract

Subject / topic. This article outlines the theoretical, methodological and practical aspects of economic policy in the reproduction process of agricultural production and in providing the population with food products, taking into account modern geopolitical conditions. Goals / objectives. The purpose of this article is to examine the essence of economic policy, expanded and simple reproduction and the principles of its formation. **Methodology.** The methodical basis of this article is the economic and statistical methods of analysis, regulatory and legal documents in the field of ensuring food security of the Russian Federation, as well as open analytical materials in the field of solving the problem of transformation of foreign economic activity of agro-industrial enterprises. **Results.** The article found that ensuring sustainable development of agriculture, solving the problems of import substitution of basic food products is possible only on the basis of scientifically based economic policy. An assessment of the state of the rural economy, reproductive processes and food security of agriculture is given. Factors influencing the reproduction processes were analyzed with an analysis of the causes of the systemic crisis in the agricultural sector of the economy. The main directions of adjustment of economic policy for the sustainable development of the agricultural industry, its modernization, overcoming the deformation of the reproduction structure, taking into account the development of the resource-innovation strategy of the industry development, are proposed. **Conclusions / significance.** Throughout the world (Russia is no exception) agrarian production is the largest life-supporting sphere of the national economic complex. Its condition and economic efficiency of functioning have a decisive influence on the level of food security and welfare of the people. At present, there is an objective need to develop a qualitatively new program for the development of agro-industrial production, taking into account its consistent modernization, a transition to a resource-innovative model of functioning based on the concept of partnership between the state, science and business. The necessity of proportional development of the ag-

riculture sector is substantiated. **Application.** The findings and results of the research can be used in the development of regional and local programs to ensure food security and reform the management system of enterprises in the field of agriculture and agro-industrial production.

Keywords: *anti-crisis program, agriculture, sanctions, import substitution, simple and expanded reproduction, material and technical support, economic policy, innovation and investment processes, labor resources, management*

Об авторе

Шутьков Анатолий Антонович, академик РАН, доктор экономических наук, профессор главный научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН, Москва.

About author

Shutkov Anatoly Antonovich, Academician of RAS, Doctor of Economics, Professor, Principal Researcher, Market Economy Institute of RAS, Moscow.

УДК 332
ГРНТИ 06 (82)

Маркетинг на предприятиях АПК и проблемы его развития

Н.В. Лясников, д.э.н., профессор
E-mail: acadra@yandex.ru

Аннотация

Предмет/тема. Тема данной статьи предполагает изучение основных этапов развития агро-маркетинга в России и исследование основных проблем, ограничивающих использование современных маркетинговых инструментов в национальном АПК. Предметом исследования является эволюция научных и управленческих парадигм агромаркетинга, обусловленная реалиями российского рынка. **Цели/задачи.** Основная цель статьи – определить основные проблемы агромаркетинга на данном этапе развития сельскохозяйственной и агропромышленной сферы, а также изложить ключевые решения, которые позволят агромаркетингу (как функционалу) занять должное место в системе управления предприятиями АПК. **Методология.** В качестве методической основы статьи были использованы методы контент-анализа, статистического анализа и научного синтеза, которые позволили сформулировать перечень проблем агромаркетинга в предприятиях АПК и определить основные направления их решения. **Результаты.** На основе материалов, изложенных в этой статье, автор получил следующие результаты: во-первых, эволюционно российский агромаркетинг отстает в научном развитии от зарубежных трендов; во-вторых, функционал агромаркетинга не интегрирует приоритеты государственной аграрной политики и интересы сельскохозяйственных и агропромышленных производителей в сфере организации товародвижения и позиционирования производимой продукции. **Выводы/значимость.** Ключевой вывод состоит в том, что для развития агромаркетинга необходимо комплексное решение, которые будет включать и подготовку специалистов в соответствии с направлениями агромаркетинга, и стимулировать инновационную активность в агропромышленном секторе, и обеспечивать переход предприятий АПК на эволюционную парадигму "маркетинг 3.0". **Применение.** Результаты проведенного исследования могут быть использованы при подготовке программ профессионального и высшего образования, в обучении и переобучении практикующих маркетологов в сфере сельского хозяйства и агропромышленного сектора.

Статья подготовлена ИПР РАН в рамках государственного задания, тема НИР "Мониторинг и прогнозирование стратегического развития АПК".

Ключевые слова: агромаркетинг, конкурентоспособность, оценка конкурентоспособности, влияние менеджмента, влияние маркетинга, методы оценки конкурентоспособности, предприятия АПК

Обеспечение сбалансированного экономического роста в предприятиях агропромышленного комплекса невозможно без эффективно выстроенного маркетингового функционала [1, 2]. Поэтому в последние годы достаточное внимание ученых и практиков уделяется развитию агро-маркетинга. Основное назначение агромаркетинга состоит в построении оптимальной системы товародвижения и позиционирования производимой продукции в первую очередь на внутреннем рынке и во вторую очередь – на внешних рынках. Но это лишь один из практических аспектов агромаркетинга, ведь помимо обеспечения товародвижения и позиционирования, необходимы систематические исследования агропромышленного рынка (спроса и предложения, закономерностей и маловероятных событий), а также ключевых факторов влияния, которые могут воздействовать на темпы экономического роста предприятий рассматриваемой отрасли.

При этом агромаркетинг, если он базируется на современной научной парадигме, позволяет обосновывать не только оперативные (тактические), но и стратегические решения по организации производства, использованию технологий, обеспечению предприятий агропромышленного комплекса необходимыми и важнейшими ресурсами.

Фактически агромаркетинг следует рассматривать как один из функционалов в системе управления предприятием, обеспечивающих накопление и использование потенциала роста, а также непосредственно стимулирующих прирост доходов и прибыли агропромышленных пред-

приятый в условиях усиления конкуренции и трансформации потребления спроса. Стоит отметить, что современные представления о маркетинге (как научной дисциплине и как практической деятельности) менялись параллельно с перестройкой социально-экономических процессов и перехода от индустриального к постиндустриальному типу развития национальных экономик.

В настоящее время принято выделять три эволюционные концепции маркетинга (маркетинг 1.0; 2.0; 3.0) [7], которые автором адаптированы под особенности функционирования и развития агропромышленного комплекса (рис. 1).



Рис. 1. Эволюция парадигм агромаркетинга [разработано автором]

Итак, первоначально основное назначение агромаркетинга заключалось в обеспечении стабильно высокого спроса на производимую продукцию.

При этом, учитывая, что агромаркетинг стал формироваться в России только после распада СССР, в котором экономика была преимущественно ориентирована на развитие военно-промышленного комплекса, рынок только проходил стадию насыщения товарами и производителями. Поэтому мнение потребителей о качестве продукции и / или дополнительном сервисе (если таковой вообще имелся) было вторичным. Первичным было удовлетворение интересов предприятия в части получения доходов и прибыли.

По мере того, как внешнеэкономические преграды для вхождения на рынок иностранных производителей были сняты, конкуренция в агропромышленном секторе существенно увеличилась. Поэтому агропромышленные производители стали уделять особое внимание потребительскому мнению и акцент в продвижении сместился с удовлетворения базовой (физической) потребности в пище на удовлетворение особой потребности, обеспечивающей высокое качество жизнедеятельности (концепция "здоровое питание"). Для российской действительности маркетинг 2.0 – это текущее состояние в эволюции агромаркетинга.

За рубежом эволюция парадигм агромаркетинга уже сменилась, и фактически зарубежные производители агропромышленной продукции пришли к пониманию того, что дальнейший рост спроса, а, соответственно, и предложения уже не может быть высоким в силу объективных причин (стабилизация численности населения, высокая конкуренция на рынке продовольственной продукции, сложность в создании новых товарных предложений). Поэтому основная идея маркетинга 3.0 (и безусловно агромаркетинга) заключается в смене позиционирования, в настоящее время агропромышленные производители зарубежных стран (в первую очередь западноевропейских стран) ориентируются на социально и экологически ответственное позиционирование в продвижении своих товаров к потребителям. Российский агропромышленный сектор также приближается к освоению новой парадигмы агромаркетинга, тем более, что требования обеспечить экологически безопасные и социально открытые производства агропромышленной продукции являются базовым институциональным трендом в государственной экономической политике и стратегии национального развития [4, 5].

При переходе на следующую эволюционную ступень агромаркетинга следует учитывать ключевые особенности функционирования и развития агропромышленной сферы [3, 8, 9]:

- 1) агропромышленная продукция – это товар первой и важнейшей необходимости, который имеет, как правило, ограниченный срок хранения. Поэтому товародвижение должно быть организовано с формированием необходимого запаса, но при этом следует учитывать социально-демографические и ментальные особенности потребителей (например, национальные традиции в организации питания);
- 2) производство базового сельскохозяйственного сырья объективно может осуществляться только в весенне-летний сезон, в то время как производство конечной продукции может осуществляться круглогодично. Поэтому важно организовать правильное взаимодействие сельскохозяйственных организаций и перерабатывающих предприятий;
- 3) в производстве агропромышленной продукции могут (и должны быть) использованы современные инновационные технологии. И это может стать основным фактором позиционирования на российском рынке, который заинтересован в получении качественного продовольствия, произведенного на высокотехнологичных предприятиях;
- 4) высокая конкуренция на рынке и идентичность реализуемых товаров требуют постоянного контакта служб агромаркетинга с потребителями. Для российской сферы сельского хозяйства и агропромышленного сектора это пока еще новая тенденция, которая может обеспечить высокий уровень потребительской лояльности.

Но следует отметить и ряд ключевых проблем, которые существенно тормозят развитие агромаркетинга в российских отраслях и сферах сельского хозяйства, агропромышленного производства. В первую очередь стоит отметить, что в настоящее время профильные учебные заведения уделяют недостаточно внимания подготовке специалистов в области агромаркетинга, основное внимание уделяется традиционной теории маркетинга, основанной на балансе спроса и предложения через "невидимую руку рынка", в то время как современные прогрессивные концепции остаются вне сферы интересов профессионального и высшего образования. Одновременно с этим по данным кадровых агентств спрос на высококвалифицированных специалистов именно в области агромаркетинга остается в достаточной степени высоким. Это связано в первую очередь с тем, что агропромышленные производители, столкнувшись со стагнацией сбыта своей продукции, ищут новые решения для увеличения объемов продаж, получения дополнительных доходов и прибыли.

Важно понимать, что агромаркетинг – это не только система товародвижения и позиционирования продукции, это еще и сфера, диверсифицированная по направлениям деятельности. Поэтому следует подразделять специализации агромаркетинга по следующим направлениям [2, 6]:

- а) маркетинг средств производства для сферы сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности;
- б) маркетинг сельскохозяйственного сырья, поставляемого от сельскохозяйственных организаций на перерабатывающие предприятия;
- в) маркетинг продовольственной продукции, представленной в торговле конечному потребителю.

Поэтому при подготовке специалистов в области агромаркетинга следует учитывать три перечисленных выше направления, поскольку каждое из них имеет свои профильные особенности и требует развития специальных профессиональных компетенций у специалистов маркетинговых служб сельскохозяйственных и агропромышленных предприятий.

Вторая значимая проблема состоит в том, что текущее состояние продовольственного рынка характеризуется затоваренностью. Предложение продовольственной продукции значительно превышает её спрос. Следовательно, в рамках агромаркетинговых мероприятий по исследованию рынков необходимо найти тот рациональный баланс между объемами производства и потенциальными объемами спроса, которые бы обеспечивали не максимум доходов, но максимум прибыли. Максимизация прибыли за счет агромаркетинга в том числе позволит реинвестировать средства в развитие сельскохозяйственных и агропромышленных производств, которые в настоящее время столкнулись с тем, что рынок высокотехнологичного оборудования в достаточной степени развит, но у многих предприятий рассматриваемой отрасли ограничены финансовые резервы для обновления и восполнения основных фондов. Поэтому в текущих условиях агромаркетинг вынужден работать с конечной продукцией, имеющей высокую себестоимость и весьма низкую рентабельность, что негативно влияет на потенциал развития российских сельскохозяйственных и агропромышленных предприятий.

И третья значимая проблема состоит в том, что современный российский агромаркетинг практически не использует инструментарий коммерциализации инноваций в рассматриваемой отрасли. И здесь две основных причины:

- с одной стороны, очень низкая инновационная активность предпринимательства и крупного агропромышленного бизнеса;
- с другой стороны, слабая заинтересованность потребителей в получении агропромышленной продукции, созданной на основе высокотехнологичных производственных процессов.

Потребительский аспект инновационной составляющей агромаркетинга мы кратко затронули несколько выше, но и останавливаться на этом аспекте подробно не имеет смысла, поскольку первый тезис о низкой инновационной активности в сельскохозяйственной и агропромышленной сфере сводит к минимуму эффекты от коммерциализации инноваций.

Поэтому, подводя итоги данной статьи, необходимо определить ключевые задачи, которые следует решить для стимулирования развития агромаркетинга на российском рынке:

- во-первых, нужны комплексные программы подготовки специалистов, которые бы учитывали основные направления агромаркетинга;
- во-вторых, агропромышленным и сельскохозяйственным предприятиям следует переходить на следующую эволюционную ступень парадигмы агромаркетинга (маркетинг 3.0);
- в-третьих, агромаркетинг следует рассматривать как фактор роста прибыльности сельскохозяйственных и агропромышленных производителей и стимул повышения инновационной активности.

В сложившихся условиях продуктового эмбарго, когда необходимо оперативно обеспечить импортозамещение товарной продукции на продовольственных рынках и рынках средств производства, агромаркетинг должен стать тем ключевым функционалом, который будет интегрировать национальные приоритеты и интересы производителей. При этом специалисты в области агромаркетинга должны уметь формулировать такие стратегии товародвижения и позиционирования, которые с одной стороны обеспечат наиболее полное удовлетворение потребительского спроса, а с другой стороны позволят сельскохозяйственным и агропромышленным предприятиям максимизировать не только доходы от основной деятельности, но и прибыль, инвестируемую в дальнейшем в развитие производственной и сервисной деятельности.

Литература

1. Диулина И.Е., Васильев М.П. Агрорынок: определяющие факторы и направления использования в сельскохозяйственном производстве // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2017. №. 14. С.5-9.
2. Горшенева О.В. Роль агорынка в развитии сельского хозяйства // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 5. №. 9. С. 53-56.
3. Олейник С.С., Слепцова Е.В. Кадровый потенциал предприятий агропромышленного комплекса: особенности и тенденции развития // Экономика устойчивого развития. 2017. №. 2. С. 380-385.
4. Лясников Н.В., Дудин М.Н. Модернизация производства и генерирование инноваций как стимул сохранения стратегической устойчивости и конкурентоспособности предпринимательских структур // Актуальные вопросы инновационной экономики. 2012. № 1. С. 90-99.
5. Лясников Н.В., Дудин М.Н. Организация стратегической устойчивости - в разрезе концепции развития инновационной системы стратегического корпоративного управления на предприятиях промышленности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 8. С. 76-79.
6. Ушачев И. Г. Основные направления стратегии устойчивого развития АПК России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. №. 12. С. 1074-1081.
7. Федько В.П. Формирование маркетингового мышления как парадигмы создания ценностей в ходе современной эволюция концепций маркетинга // Финансовые исследования. 2017. №. 1 (54). С.123-132.
8. Цветков В.А. Агропромышленный комплекс России: современное состояние, необходимые и достаточные условия выхода из кризиса // Проблемы рыночной экономики. 2017. №3. С.14-16.
9. Агропромышленный комплекс: статистика и тенденции развития в 2017 году. URL: <https://gendalf.ru/news/its/19414/> (дата обращения 31.03.2018)

Marketing on APC Enterprises and problem of its development

Nikolaj V. Lyasnikov, Dr. of Sci. (Econ.), Professor,
E-mail: acadra@yandex.ru

Abstract

Subject / topic. The topic of this article involves studying the main stages of agromarketing development in Russia and studying the main problems that limit the use of modern marketing tools in the national agro-industrial complex. The subject of the study is the evolution of scientific and management paradigms of agromarketing, conditioned by the realities of the Russian market. **Goals / objectives.** The main goal of the article is to identify the main agromarketing problems at this stage of agricultural and agro-industrial development, and also to outline the key decisions that will allow agro-marketing (as a functional) to take a proper place in the management system of agro-industrial enterprises. **Methodology.** As a methodical basis of the article, the methods of content analysis, statistical analysis and scientific synthesis were used, which allowed to formulate a list of agromarketing problems in agroindustrial enterprises and to determine the main directions for their solution. **Results.** Based on the materials outlined in this article, the author obtained the following results: first, evolutionarily Russian agromarketing lags behind in scientific development from foreign trends; Secondly, the function of agromarketing does not integrate the priorities of the state agrarian policy and the interests of agricultural and agro-industrial producers in the sphere of organization of goods movement and positioning of products. **Conclusions / significance.** The key conclusion is that for the development of agromarketing an integrated solution is needed that will include training specialists in agromarketing directions and stimulating innovative activity in the agro-industrial sector and ensuring the transition of agro-industrial enterprises to the evolutionary paradigm "marketing 3.0". **Application.** The results of the research can be used in the preparation of professional and higher education programs, in training and retraining practicing marketers in the field of agriculture and the agro-industrial sector.

Keywords: *agromarketing, competitiveness, assessment of competitiveness, management influence, marketing influence, methods of competitiveness assessment, agro-industrial enterprises*

Об авторе

Лясников Николай Васильевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН, Москва.

About author

Nikolaj V. Ljasnikov, Doctor of Economics, Professor, Principal Researcher, Market Economy Institute of RAS, Moscow.

УДК 338.012
ГРНТИ 06.71; 06.75.

Развитие национальной корпоративной системы в условиях глобализационных процессов и усиления международной напряженности

З.К. Омарова, д.э.н
E-mail: omarova@ipr-ras.ru

Аннотация

Предмет/тема. В статье проведено исследование проблем развития отечественной корпоративной системы в условиях глобализационных изменений и обострения международной напряженности. **Цели/задачи.** Целью работы является исследование механизмов регулирования международных экономических отношений; изучение различных аспектов влияния глобализации на национальную экономику; обоснование важных подходов к разработке и реализации национальной экономической политики по отношению к процессам корпоративной интеграции. **Результаты.** Сделаны выводы о важности отстаивания национальных интересов России, стремлении к равноправным отношениям со всеми странами. В работе обозначены проблемы, сдерживающие предпринимательскую деятельность и препятствующие динамичному развитию отечественных корпоративных объединений. **Выводы/значимость.** Обоснована важность решения проблемы развития корпоративной системы в направлении, способствующем снижению вызванных глобализацией рисков, смягчению проблемы уязвимости путем укрепления отечественной корпоративной системы и, тем самым, ослаблению и преодолению ее зависимости от обладающей реальной властью мировой корпоративной элиты. Такое направление рассматривается с позиции корпоративной интеграции (ядро корпоративной системы), а также формирования механизмов управления, адекватных интересам российской экономики на всех ее уровнях. **Применение.** Предлагаемые в работе концептуальные положения по формированию механизмов развития национальной корпоративной системы будут способствовать обеспечению модернизации и стратегического развития отраслей национальной экономики, укреплению позиций крупнокорпоративного предпринимательства.

Статья подготовлена ИПР РАН по теме государственного задания «Моделирование социально-экономической динамики и структуры факторов экономического роста ЕАЭС и других стран в контексте модернизации».

Ключевые слова: глобализация мировой экономики, процессы корпоративной интеграции, корпоративные объединения, национальная экономическая политика, корпоративная система

В современных условиях ни одна из стран не может эффективно развиваться в стороне от мирохозяйственных отношений. Состояние национальной экономики все большей степени определяется уровнем участия в международном разделении труда, потенциальными возможностями в научно-технологической сфере. Мировое хозяйство характеризуется формированием межнациональных механизмов регулирования экономических отношений между странами, возрастающей интернационализацией производительных сил, эффективным функционированием системы международных экономических отношений, возрастающее значение которых обусловлено развитием промышленности, машинной индустрии. Рост производительности труда, появление новых отраслей способствовали расширению возможностей экспорта значительной части производимой продукции. С другой стороны, налицо возросшие потребности многих стран в сырьевых ресурсах - осуществляется возможность перевозок товаров на большие расстояния. Все это определяет импульсивный вектор роста международной торговли, способствует развитию механизмов расширения и углубления международных экономических отношений.

Современное мировое хозяйство имеет неоднородную структуру, включающую государства, различающиеся по социальной структуре, политическому устройству, уровню и динамике развития производственных отношений, производительных сил, масштабов и методов между-

народных экономических отношений. Ведущее положение в мирохозяйственном развитии занимают семь промышленно развитых стран, на долю которых приходится весомая часть промышленного производства группы промышленно развитых стран, высокой доли производства электроэнергии, экспорта товаров и услуг - США, Япония, Канада, ФРГ, Франция, Великобритания и Италия.

Все страны мира задействованы в процессах международного разделения труда, расширения и углубления которого требуют производительные силы, испытывающие мощное воздействие технологической революции. Это во многом является основой развития взаимовыгодных экономико-правовых отношений и интеграционных связей ряда государств, вне зависимости от их социального развития и устройства.

Все в большей степени испытывает на себе мировая экономика растущее влияние процессов глобализации, рассматриваемой экспертами Международного валютного фонда с позиции «экономической взаимозависимости стран всего мира в результате возрастающего объема и разнообразия трансграничных трансакций товаров, услуг и международных потоков капитала, а также благодаря все более быстрой и широкой диффузии технологий» [12]. Безусловно, процессы глобализации предоставляют возможности мобилизации значительных объемов финансовых ресурсов ввиду наличия обширного финансового инструментария на возросшем количестве рынков. Преимущества глобализации связаны также с выигрышем от торговли на взаимовыгодных для всех сторон - страны, торговые союзы, отдельные фирмы- условий.

Рассматривая различные аспекты воздействия глобализации на развитие национальной экономики, можно заметить довольно высокие показатели темпов роста прямых иностранных инвестиций, превосходящих темпы роста мировой торговли. Эти капиталовложения имеют важное значение в промышленной реструктуризации, трансфере технологий, что оказывает непосредственное влияние на развитие национальной экономики. Второй аспект рассматриваемой проблемы касается воздействия на технологические инновации, благодаря которым международные потоки товаров, услуг и капитала становятся беспрепятственными и идущими с более высокими скоростями. Высокие технологии, являясь движущей силой глобализации, облегчают международный экономический обмен, включают региональную экономику в систему МРТ, способствуют процессам интернационализации сетей сбыта продукции, промышленного производства. Промышленное производство вовлеченных в глобализационный процесс стран преобразуется, подвергаясь реорганизации, так как продукция его «перешагивает» через границы, а предприятия выходят на финансовые рынки мира и обеспечивают сбыт продукции в других странах.

Глобализация включает обострение конкурентной борьбы, «в которой преимущества на стороне более сильного, но она создает и возможности модернизации и укрепления позиций менее развитых стран, если они окажутся способными освоить новые резервы подъема национальной экономики, которые возникают при углублении международных экономических связей» [7, с.109]. Угрозы, обусловленные глобализацией, отражены на рис.1.

К вышеобозначенным угрозам следует добавить и угрозы, возникшие в связи с введением против нашей страны санкций, что вызывает необходимость в разработке мер по их нейтрализации или минимизации [3].

Такие угрозы определяются сочетанием объективных и субъективных факторов [2] (табл.1).

Развернувшиеся в настоящее время процессы глобализации мировой экономики, глобальные структурные сдвиги, дестабилизация экономических отношений между странами, эскалация международной напряженности и ряд других негативных факторов внешнего порядка радикально меняет все международные экономические отношения и механизмы. В этих условиях перед национальными правительствами встает задача адекватного ответа новому явлению. Россия располагает рядом конкурентных преимуществ - огромная территория, наличие богатейших природных ресурсов, емкий внутренний рынок, высокий уровень образования, квалифицированные трудовые ресурсы, развитый научно-технический потенциал - предоставляющими возможности выхода на траекторию устойчивого социально-экономического развития. Важно мобилизовать свои ресурсы, потенциал, усилия. При этом, используя конкурентные преимущества и отстаивая свои национальные интересы, важно стремиться к равноправным отношениям со всеми странами. Необходимы новые факторы роста: гибкая экономическая по-

литика, адекватно реагирующая на изменения внешнего порядка, новейшие технологии, правовое пространство.

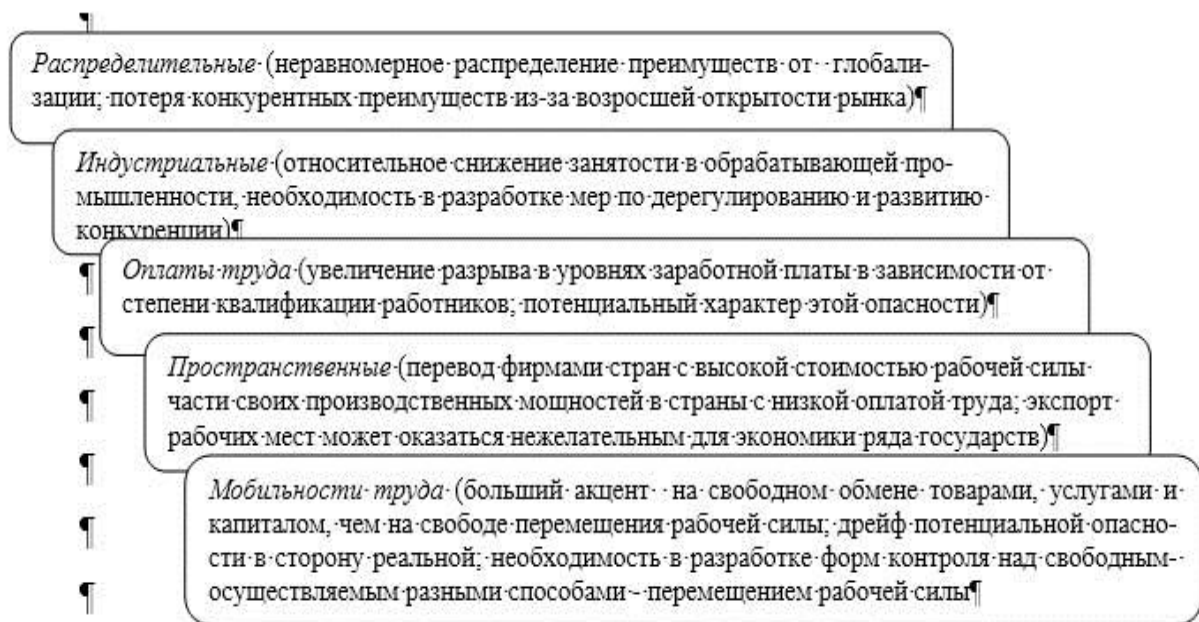


Рисунок 1. Угрозы, обусловленные глобализацией

Таблица 1

Факторы угроз экономической безопасности России

Факторы угроз	Характеристики факторов угроз
1. Объективные (преимущественно внешние)	<ul style="list-style-type: none"> • истоки угроз коренятся в эскалации международной напряженности; • истоки напряженности обусловлены глобальными структурными сдвигами; • этими сдвигами опосредуется смена доминирующих технологических укладов; • следствием действия этих факторов является резкая дестабилизация международных отношений, разрушение старого миропорядка вместе с формированием нового на фоне мировых войн между старыми и новыми лидерами.
2. Субъективные (преимущественно внутренние)	<ul style="list-style-type: none"> • истоки угроз коренятся в стратегических ошибках макроэкономической политики России; • следствием этих ошибок является высокая степень зависимости страны от внешнеэкономической конъюнктуры и американско-английского капитала.

Источник: [2, с. 2-4].

Вызовы глобализации требуют новых подходов к разработке и реализации национальной экономической политики, в том числе и по отношению к процессам корпоративной интеграции. Многие сложные проблемы, порожденные глобализацией и нынешней эскалацией международной напряженности, могут быть решены на межгосударственном, наднациональном уровне, предполагающем вращение в международные воспроизводственные ядра, наподобие Евразийского экономического содружества, что может стать важнейшей предпосылкой эффективного развития экономики России и стран – участниц ЕАЭС. И главными проводниками российской (и евразийской) экономической политики, способствующей достижению стратегических целей социально-экономического развития, в том числе инновационной направленности, могут стать корпоративные отраслевые и межотраслевые диверсифицированные объединения

различных – сосуществующих и взаимно дополняющих и подкрепляющих друг друга - институциональных форм [9-10].

Корпоративная интеграция предприятий при подходе к ней с точки зрения эволюции корпоративных форм хозяйствования в качестве таковой появляется во второй половине XX и, в особенности, в начале XXI века, когда преобладающей тенденцией в развитии мировых производительных сил становится интенсификация процессов интернационализации, глобализации и интеграции [6]. Такая тенденция, с одной стороны, ведет к реальному формированию мирового хозяйства как всеобщей экономической целостности, а с другой – несет с собой угрозы суверенному существованию стран-аутсайдеров. Это касается и экономики России, корпоративная система которой уязвима и зависима от центров принятия решений, располагающихся вне ее территории и неподвластные российской юрисдикции. В этой связи особенно остро стоит проблема развития корпоративной системы в таком направлении, которое будет способствовать снижению вызванных глобализацией рисков, смягчению проблемы уязвимости путем укрепления отечественной корпоративной системы и, тем самым, ослаблению и преодолению ее зависимости от обладающей реальной властью мировой корпоративной элиты. Такое направление должно включать:

1) в отношении предприятий – ее корпоративную интеграцию, способную стать ядром корпоративной системы;

2) в отношении органов государственного регулирования – формирование механизмов управления, адекватных интересам российской экономики на всех ее уровнях.

Главный недостаток деятельности государственного аппарата в российской экономике, как нам представляется, состоит в отрыве от тенденций экономического развития, сложившихся в мировом хозяйстве. Данная ситуация определяется, с одной стороны, формированием новых сравнительных преимуществ в результате становления гибких высокоэффективных производственных систем на базе нового технологического уклада и интеллектуализации труда, что является определяющей составляющей глобальной экономической конкуренции. С другой стороны, подавляющее большинство российских предприятий не обладает соответствующими производственными и финансовыми ресурсами, которые могли бы обеспечить возможность самостоятельно выходить на внешний рынок с конкурентоспособной продукцией и обеспечить ее на внутреннем рынке в условиях открытости. Остаться в стороне от указанных процессов Россия объективно не может в силу интеграции в мировую экономику, и дилемма заключается лишь в правильном выборе национальной стратегии, чтобы минимизировать влияние негативных последствий финансового и промышленного спада. В реальности ставятся задачи, решение которых направлено на преодоление частичных проблем, не улучшая ситуации в целом, без коренного переосмысления экономической - с акцентом на промышленную составляющую - политики, в соответствии со сложившимися геоэкономическими реалиями. Выработка эффективной стратегии экономического развития должна в первую очередь опираться на анализ и всесторонний учет общемировой тенденции - главные из которых - порожденные высочайшим накалом конкурентной борьбы темпы научно-технического обновления и глобализация производства. «За текущими проблемами нельзя упускать основные тенденции глобального развития. Стремительно меняются контуры мировой экономики, формируются новые торговые блоки, происходят радикальные изменения в сфере технологий. Именно сейчас определяются позиции стран в глобальном разделении труда на десятилетия вперед, и мы можем и обязаны занять место в числе лидеров» [7].

Позитивной динамике развития отечественного корпоративного сектора будут способствовать решение актуальных проблем современного периода, направленных на активизацию предпринимательской деятельности и эффективное функционирование корпоративных объединений в промышленности. Важно отметить, что негативную роль в развитии отечественной корпоративной системы сыграла принятая и во многом по-прежнему воспроизводимая ориентация на стереотипы «мировой экономической политики». Если вспомнить форсированную приватизацию государственных активов по заниженным ценам, то придется констатировать, что она привела не только к проблемам легитимации корпоративной собственности и отношения к исполнению экономического законодательства, но и к устойчивой недооценке активов корпоративной системы фондовым рынком и опосредованно к захвату многих рынков зару-

бежными конкурентами. Результатом практической деградации ряда отраслевых корпоративных сегментов российской корпоративной системы стало ее углубляющееся расщепление на:

- более развитый сектор «корпораций внешнего рынка», ориентированных на экспорт продукции (в основном сырья) и внешний спрос;
- гораздо менее развитый сектор «корпораций внутреннего рынка».

В итоге это привело к пониженной чувствительности корпоративной системы к регулирующим воздействиям национальной экономической политики и высокой чувствительности к процессам (включая кризисы и конъюнктурные шоки) на мировых рынках [11, с. 17].

Административные барьеры, недостаточное развитие институциональных элементов в структуре корпоративного сектора, дисбаланс интересов и структуры собственности, несовершенство законодательной основы и нормативно-правового регулирования деятельности корпоративных структур, нестабильность налогообложения, неэффективная система тарифного регулирования и таможенного администрирования, недостаточная капитализация и высокий риск ликвидности в корпоративном секторе, низкое качество корпоративного управления и ряд других факторов существенно осложняет развитие корпоративного звена экономики России. Это вызывает острую необходимость решения вопросов реорганизации сложившейся системы формирования и организации деятельности корпоративных объединений. Вместе с тем, это выдвигает перед экономической наукой ряд задач в практическом направлении, имеющих стратегическое значение при формировании эффективных механизмов управления развитием корпоративных форм хозяйствования, адекватного рыночному механизму и особенностям развития экономики России.

Наряду с этим, практика деятельности промышленных предприятий и их объединений на различных уровнях - микро-, мезо- и макроэкономическом, включая в частности региональный уровень, обнаруживает недостаточность внимания к поиску моделей новых прогрессивных форм корпоративной организации хозяйствования, как и реализации институциональных преимуществ корпоративных структур. Все вышесказанное, безусловно, затрудняет дальнейшее позитивное осмысление процессов формирования механизмов управления развитием корпоративных форм хозяйствования и, соответственно, мешает выработке и практической реализации адекватной стратегии развития экономики страны. Наличие четкой концепции системы управления развитием корпоративного звена является важным звеном в решении проблемы динамичного развития экономики России на современном этапе и способна внести заметный вклад в укрепление позиций крупнокорпоративного предпринимательства.

Литература

1. Борталевич С.И., Логинов Е.Л., Омарова З.К. Конкурентные отношения на энергетических рынках. Институт проблем рынка РАН. Москва, 2014.
2. Глазьев С.Ю. О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии / Научный доклад. – М.: РАН, 2014.
3. Ерзнкян Б.А. Нестационарная экономика и ее реакция на активизацию внешних сдерживающих факторов // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 31. – М: ЦЭМИ РАН, 2015. С. 6–17.
4. Мицек С. Следует ли России опасаться глобализации? // Вопросы экономики. 2002. № 8. С. 21
5. Омарова З.К. Механизмы правового регулирования деятельности корпоративных объединений // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 4. С. 183-189.
6. Омарова З.К. Структурно-интеграционные процессы в условиях глобализации: принцип формирования и возможности интегрированных корпоративных структур // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 35. – М: ЦЭМИ РАН, 2016. - С. 102–115.
7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, 2015.
8. Сорокин Д.Е., Толкачев С.А. Условия и факторы эффективной реиндустриализации и промышленной политики России // Экономическое возрождение России. - 2015. - № 4 (46).- С. 87-99.
9. Цветков В.А. Корпоративный бизнес: теория и практика. СПб.: Нестор-История, 2011. 504 с.

10. Цветков В.А., Степнов И.М., Ковальчук Ю.А., Зоидов К.Х. Динамика развития экономических систем / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. - М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. - 380 с.
11. Черной Л.С. Корпоративная система национальной экономики: основные понятия и определения / Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзкяна. Вып. 17. - М: ЦЭМИ РАН, 2010. С. 6-21.
12. World Economic Outlook. - IMF. - May 1997- P. 45.

Development of the national corporate system in the context of globalization processes and the strengthening of international tension

Zarema K. Omarova, Doctor of Sci. (Econ),
E-mail: omarova@ipr-ras.ru

Abstract

Subject / topic. The article studies the problems of the development of the domestic corporate system in the context of globalization changes and aggravation of international tension. **Goals / Objectives.** The aim of the work is to study the mechanisms of regulation of international economic relations; study of various aspects of the impact of globalization on the national economy; substantiation of important approaches to the development and implementation of national economic policy in relation to the processes of corporate integration. **Results.** Conclusions are made about the importance of upholding Russia's national interests, striving for equal relations with all countries. The paper outlines the problems that hamper entrepreneurial activity and impede the dynamic development of domestic corporate associations. **Conclusions / relevance.** The importance of solving the problem of the development of the corporate system in the direction conducive to reducing the risks caused by globalization is justified, the vulnerability is mitigated by strengthening the domestic corporate system and, thereby, weakening and overcoming its dependence on the real corporate power of the world corporate elite. This direction is considered from the position of corporate integration (the core of the corporate system), as well as the formation of management mechanisms that are adequate to the interests of the Russian economy at all its levels. **Application.** The proposed conceptual provisions on the formation of mechanisms for the development of the national corporate system will contribute to ensuring the modernization and strategic development of the national economy, strengthening the position of large-scale enterprise.

Keywords: *globalization of the world economy, processes of corporate integration, corporate associations, national economic policy, corporate system*

Об авторе

Омарова Зарема Курбановна, д.э.н., главный научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН, Москва.

About author

Omarova Zarema Kurbanovna, Dr. of Sci. (Econ.), Principal Researcher, Market Economy Institute of RAS, Moscow.

УДК 338.516
ГРНТИ 06.81.45

Ценовое измерение тенденций развития рынка потребительских товаров выборочного спроса

Ю.А. Ковальчук, д.э.н., профессор

E-mail: *fm-science@inbox.ru*

М.Э. Мерзлякова

E-mail: *m_strelkova@bk.ru*

Аннотация

Предмет/тема. Рассматриваются особенности ценообразования на потребительские товары на примере наручных часов, включая люксовый сегмент рынка. **Цели/задачи.** Целью исследования является выявление параметров влияния на стоимость наручных часов как представителей группы потребительских товаров выборочного спроса. **Методология.** С целью достижения цели исследования проведен сравнительный анализ ценовых параметров наручных часов в разрезе особенностей часового механизма, циферблата, корпуса и браслета, включения дополнительных функций, бренда, наличия собственных разработок в часовом деле, продаж, дистрибуции, обслуживания, возможностей инвестиционных вложений. **Результаты.** Проанализированы факторы, влияющие на стоимость швейцарских часов, включая влияние динамики цен на золото и курса швейцарского франка. Предоставлены рейтинги ведущих компаний-производителей наручных часов среднего ценового сегмента, премиум-класса, спортивных наручных часов, недорогие бренды наручных часов. Оценены изменения в структуре импортируемых наручных часов на российском рынке и выделены устойчивые тенденции влияния технологических и ресурсных параметров на их стоимость, а также ориентация производителей и потребителей на компромисс «цена-качество». **Выводы/значимость.** Высокодоходным сегментом рассматриваемого рынка потребительских товаров являются классические наручные часы, изготовление которых сопряжено с использованием передовых технологий, уникальных ремесел и ноу-хау. Анализ статистики ввоза швейцарских часов в Россию за период 2014-2018 гг. показал существенные изменения в структуре рынка наручных часов, характеризующиеся сменой приоритетов покупателей в оценке качества товаров, а также возможностями покупок напрямую от производителя для люксового сегмента.

Статья подготовлена ИПР РАН в рамках государственного задания, тема НИР «Научно-технологическое развитие экономики отраслевых рынков».

Ключевые слова: *потребительские товары, наручные часы, цена, факторы стоимости, швейцарские часы*

Для современных рынков потребительских товаров характерны существенные изменения в ассортиментных рядах, обусловленные влиянием научно-технического прогресса, технологических новинок, адаптацией покупательских предпочтений и модных тенденций [1], формами продвижения и продажи товаров, включая онлайн продажи и магазины pop up story [2].

Тем не менее, следует выделить такие потребительские товары, в рыночной позиции которых следует выделить именно наличие выборочного (избирательного) спроса со стороны покупателей, поэтому влияние именно технологических новшеств кардинально не сменило распределение «классики» и «модерна». Например, в категории потребительских товаров наручные часы сегодня представлены разными видами: классические, механические, кварцевые, электронные, дизайнерские, люксовые и, конечно, как влияние современных технологий, умные (smart) часы. В связи с этим далее в статье мы сосредоточимся на основных составляющих цены на наручные часы, исходя из того, что именно высокодоходным сегментом этого рынка потребительских товаров являются классические наручные часы, изготовление которых сопряжено с использованием передовых технологий, уникальных ремесел и ноу-хау.

Начиная с XVI века, лидером мирового рынка наручных часов является Швейцария. Швейцарские часы – это в основном дорогостоящие модели, отличающиеся высоким

качеством, элегантностью и стилем. Такие часы престижно носить, они стали аксессуаром, говорящим о социальном статусе их обладателя.

Рассмотрим далее факторы, влияющие на стоимость наручных часов (для наиболее полного описания будут использованы характеристики швейцарских наручных часов известной марки Patek Philippe, создающей часы на протяжении почти 180 лет и являющейся последней независимой семейной часовой мануфактурой в Женеве):

1. Часовой механизм (ручной или автоматический завод, кварцевый механизм). Выражение «точный как швейцарские часы» - это самая емкая характеристика высокого уровня качества данной продукции. Так, в изделиях Patek Philippe основой является ручная отделка внутренних элементов механизма, гарантирующая эстетическое совершенство, бесперебойное функционирование и долговечность.

2. Циферблат. Корпус часов – это внешняя оболочка, скрывающая сложную систему механизмов, а циферблат – это лицо часов, на которое в первую очередь обращают внимание потребители. Так, для часов Patek Philippe процесс производства циферблата занимает от 4 до 6 месяцев, предусматривая выполнение более сотни разнообразных операций, после каждой из которых циферблат очищают ультразвуковой ванной с биологически разлагающимся моющим средством. Каждая модель циферблата отличается от других и изготавливается строгого по алгоритму. Существует более 600 перечней, регламентирующих производство каждого вида циферблата, а при его ювелирной отделке используются бриллианты с показателем цвета от D до G (бесцветные) и их огранка должна быть безупречной.

3. Корпус и браслет. Материал, из которого изготовлен корпус часов, определяет то, как долго эти часы прослужат, и для производителя его выбор является результатом компромисса между ценой и качеством. Так, используются для изготовления корпусов часов: а) латунь (производитель ставит отметку «base metal case» или «brass»), сохраняющая привлекательный внешний вид часов и обеспечивающая безопасность для здоровья покупателя; б) цинковоалюминиевый сплав «аллой» (конкурент латуни в дешевых часах); сталь, имеющая оптимальное соотношение цена-качество в связи с высоким уровнем стойкости и твердости материала; в) сплавы титана (имеет малый вес, высокую прочность, а также гипоаллергенен, не вызывает кожных заболеваний); г) полимеры, пластик, пластмасса (имеют неоднозначные параметры), используются как при изготовлении корпусов лимитированных хронографов из углепластика (карбона) от известных брендов (Ferrari, Zenith, Audemars Piguet), а также из безопасного полимера от брендов Casio, Swatch, Sector, Timex, Lowell и др. [3], так и для массовой продукции китайского производства; д) драгоценные металлы (используется для люксового сегмента часов и ювелирных изделий).

4. Дополнительные функции (индикация времени двух часовых поясов, годовой календарь, отображение мирового времени и турбийон (механизм, компенсирующий притяжение Земли, синхронизация с мобильным телефоном и др. современными гаджетами), увеличивающие стоимость часов.

5. Бренд. Современные часы - это не только предмет для слежения за временем, но и иногда и произведение искусства и даже важный элемент внешнего вида человека, поэтому производителей достаточно много в разных потребительских категориях, но некоторые компании имеют сильные конкурентные преимущества, сформированные исторически или на основе технологического или экономического превосходства (табл. 1).

6. Собственные разработки (наличие собственного подразделения НИОКР). Все элементы механизма и сам механизм (с простыми и сложными функциями) могут создаваться и собираться в производственных подразделениях (мастерских) компании.

7. Продажи и обслуживание. Эксклюзивные модели часов можно приобрести или по записи, или исключительно в фирменных салонах, учитывая глобализацию продаж – по всему миру есть аккредитованные дилеры, дистрибьюторы и сеть сервисных центров, которые проходят отбор и сертификацию. Так, компания Patek Philippe имеет три фирменных бутика, один из них в здании на Рю дю Рон снимает в аренду 2 этажа уже более 160 лет.

8. Винтаж (для эксклюзивных и люксовых моделей часов) – часы, выпущенные более 20 лет назад, считаются винтажными и возрастают в цене минимум в два раза. При этом сами модели данных часов также подразделяются на категории, например, FASHION – имеют оригинальный дизайн, но они дешевле и проще, чем PREMIUM FASHION (табл. 2).

Таблица 1

Рейтинг ведущих компаний-производителей наручных часов

Место	Наименование	Характеристика в рейтинге
Лучшие наручные часы среднего ценового сегмента		
1	Tissot	Обширный модельный ряд. Выбор экспертов.
2	Citizen	Лучшее сочетание цены и качества.
3	Orient	Лучшая линейка классических наручных часов.
Лучшие наручные часы премиум-класса		
1	Rolex	Самый популярный бренд. Соблюдаются высшие стандарты качества, стиль продуман до мелочей.
2	Patek Philippe	Супер-премиум для ценителей часового искусства. Каждая модель – постоянно нечто новое, инновационное.
3	IWC Schaffhausen	Эксклюзивный дизайн и отличное качество.
4	Citizen	Сочетание цены и качества. Совершенствование с помощью внедрения передовых технологий.
5	TAG Heuer	Спорт и активный отдых. Высокотехнологичные и многофункциональные.
6	Seiko	Инновационные часовые технологии для любого социального статуса.
7	Omega	Элитные и качественные часы. Прошли проверку и были выбраны для космической программы Аполлон.
8	Cartier	Элегантность и качество. Особенность: типичные римские цифры и изящный стиль.
9	Audemars Piguet	Инновация и экстравагантность.
10	Vacheron Constantin	Классика и современность. Оснащены множеством функций.
Лучшие спортивные наручные часы		
1	Casio	Самая популярная линейка спортивных часов
2	U.S. Polo	Лучшая цена
Лучшие недорогие бренды наручных часов		
1	Casio	Лучшее качество производимой продукции
2	Diesel	Обилие оригинальных моделей
3	Q&Q	Лучшая цена

Источник: составлено авторами на основе данных [4] и [5].

Таблица 2

Фирмы-производители эксклюзивных наручных часов по категориям

SUPER-PREMIUM	LUXURY	1-й КЛАСС	2-й КЛАСС	PREMIUM FASHION	FASHION
A.Lange & Sohne	Arnold & Son	Armand Nicole	Auguste Reymond	Chanel	Armani
Audemars Piguet	CARTIER	Baume & Mercier	Balmain	Chaumet Dior	Calvin Klein
BLANCPAIN	Eberhard & Co	Chronoswiss	Bulova	Hermes	Dolce&Gabbana
BREGUET	Graham Watches	Edox	Certina	Ice Link	Givenchy
Franck Muller	IWC	Fortis	Invicta	Louis Viutton	Gucci
Girard-Perregaux	Jaquet Droz	Frederique Constant	Luminox	Pequignet	Hugo Boss
Patek Philippe	Montblanc	Louis Erard	Rodania	Versace	Nina Ricci
Richard Mille	ZENITH	Oris	Tissot		Paco Rabanne
Vacheron Constantin	ROLEX	Raymond Weil	Wenger		Roberto Cavalli

Источник: [6].

Следует отметить, что на стоимость наручных часов также влияет и технологический процесс их изготовления. Если рассматривать единичное производство, например, весь процесс изготовления часов Patek Philippe занимает более 4000 часов (более 5 месяцев), в свою очередь, ручной труд – примерно 3200 часов, что составляет 80% всей работы. При этом строго соблюдаются стандарты Клейма Patek Philippe, что обеспечивает строжайший контроль за соблюдением качества, точности и идеальности.

Как наиболее наглядное влияние ценовых параметров нами была проведена оценка влияния цены на 1 гр золота (часы корпусов изготовлены из желтого и розового золота) и курса швейцарского франка на стоимость наручных часов Patek Philippe в России (рис. 1 и 2), которая показала прямую зависимость с указанными параметрами.

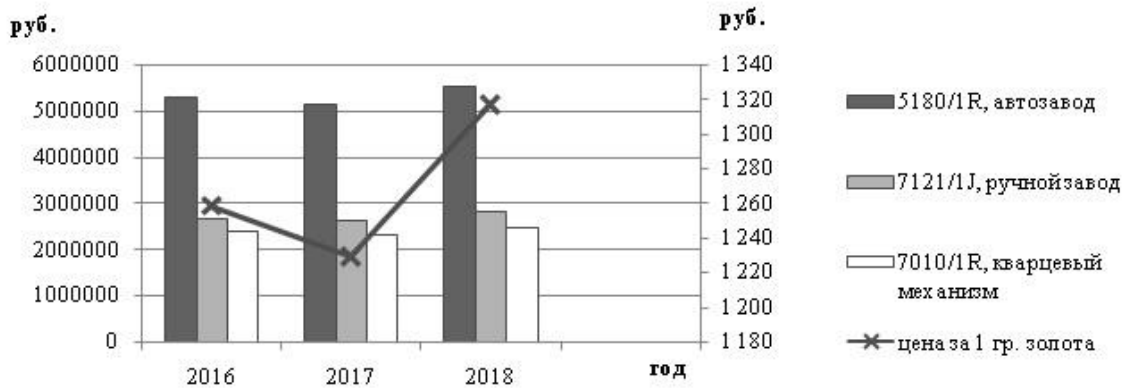


Рис. 1. Изменение цен на наручные часы Patek Philippe в зависимости от цен за 1 гр золота.
Источник: составлено авторами.

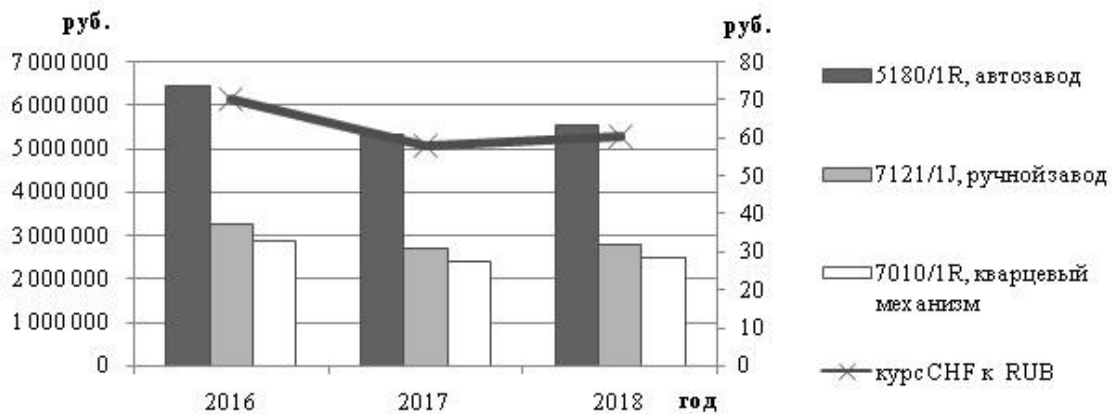


Рис. 2. Изменение цен на наручные часы Patek Philippe в зависимости от курса валюты (CHF)
Источник: составлено авторами.

При проведении сравнительного анализа рынка наручных часов класса люкс установлено, что наравне с компанией Patek Philippe в сегменте luxury выступает компания Girard-Perregaux, основанная в 1791 году. Их главное отличие в том, что Patek Philippe – это последняя независимая семейная часовая мануфактура, как было указано выше, а Girard-Perregaux является частью Sowind группы компании Kering. Данная компания является международной элитной группой, базирующейся в Париже, и владеет некоторыми товарами класса люкс (к примеру, это Gucci, Yves Saint Laurent, Puma, Girard-Perregaux и др.). Основные характеристики изготавливаемых наручных часов представлены в табл. 3.

Таблица 3

Характеристики факторов влияния на цену наручных часов по производителям Patek Philippe (P.P.) и Girard-Perregaux (G.P.).

Характеристики	Р.Р. кварц	Г.-Р. кварц	Р.Р. автозавод	Г.-Р. автозавод	Р.Р. ручной завод	Г.-Р. Ручной завод
1. Корпус	32 мм, розовое золото, bezель с бриллиантами	34 мм, сталь и розовое золото, bezель с бриллиантами	39 мм, розовое золото	40 мм, розовое золото, bezель с бриллиантами	33 мм, желтое золото, bezель с бриллиантами	37,3 мм, белое золото, bezель с бриллиантами
2. Циферблат	Золотой циферблат, люминесцентные метки и стрелки	Серебристый циферблат с узором парижские гвозди	Скелетонизированный циферблат	Перламутровый циферблат, арабские цифры, бриллиантовые указатели часа	Кремевый зернистый циферблат, золотые арабские цифры	Перламутровый циферблат
3. Браслет	Розовое золото	Сталь и розовое золото	Розовое золото	Розовое золото	Золото	Кожа аллигатора
4. Водонепроницаемость	60 метров	—	30 метров	30 метров	30 метров	30 метров
5. Стрелки	Часовая, минутная, секундная	Часовая, минутная	Часовая, минутная	Часовая, минутная	Часовая, минутная, секундная (на 6-ти часах)	Часовая, минутная, секундная (на оси турбийона)
6. Дополнения	Вечный календарь	Вечный календарь	—	—	Календарь лунных фаз	Турбийон
7. Цена, руб.	2 488 200	1 056 000	5 550 600	2 456 300	2 807 200	6 217 200

Источник: составлено авторами на основе [7].

Вышеприведенные данные позволяют сделать вывод, что продукция Patek Philippe дороже Girard-Perregaux примерно в два раза, за исключением часов с турбийоном. Данные часы так дорого стоят из-за самого механизма, т.к. он компенсирует погрешность хода часов.

На заключительном этапе рассмотрим структуру импорта наручных часов в Россию (рис. 3).

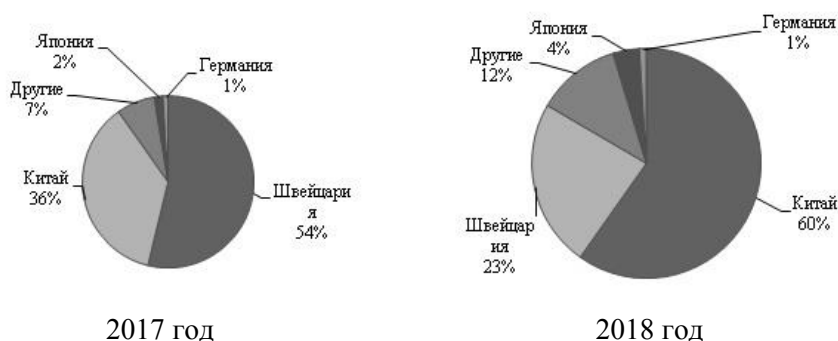


Рис.3. Импорт наручных часов в Россию.

Источник: [8].

Если обратиться к динамике импорта швейцарских часов в Россию, то показательно падение удельного веса в структуре импорта:

- 2014 год – 73%;
- 2015 год – 65%
- 2016 год – 58%;
- 2017 год – 54%;
- 2018 год – 23%.

Проанализировав данную статистику ввоза швейцарских часов в Россию за период 2014-2018 гг., можно сделать вывод, что, китайская продукция заняла лидирующую позицию всего за 5 лет, в то время, когда Швейцария добивалась этого столетиями. Это говорит о том, что:

во-первых, в современном мире больше приобретаются товары, которые можно быстро и не задумываясь заменить на такой же, т.е. ценится не качество, а быстрозаменяемость;

во-вторых, есть потребители, которые приобретают швейцарские часы непосредственно в Швейцарии по более низкой цене, чем в России;

в-третьих, в Китае делают достаточно «удачные» копии, т.е. можно приобрести часы не за 2 млн. руб., а за 20 тыс. руб.

Таким образом, анализ рынка потребительских товаров выборочного спроса, проведенный на примере наручных часов, показывает устойчивые тенденции влияния технологических и ресурсных параметров на стоимость товаров (для люксового сегмента), при одновременном изменении структуры продаж с ориентацией на компромиссное соотношение «цена-качество» как для производителей, так и для покупателей.

Литература

1. Ковальчук Ю.А., Пантюшина Д.М. Ценовое измерение тенденций развития мировой экономики впечатлений (на примере парков развлечений) // Друкерровский вестник. 2018. № 1. С. 134-145.

2. Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. Организационные платформы как признак циклических изменений в отрасли (на примере «рор up store») / Управление инновациями - 2017: материалы международной научно-практической конференции. – М.: ИПУ РАН, 2017. - С. 99-104.

3. Материалы корпусов. От чего зависит стоимость часов? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://presidentwatches.ru/glossary/materialy-korpusov>.

4. Известные марки часов. Марки часов наручных [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fb.ru/article/161409/izvestnyie-marki-chasov-marki-chasov-naruchnyih>.

5. Newpik. 10 самых знаменитых брендов часов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newpik.ru/10-samyx-znamenitx-brendov-chasov>

6. Watch.kg. Рейтинг престижности часовых брендов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://watch.kg/reiting/>

7. Бутик Mercury. Часы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mercury.ru/catalog/watches/>

8. Ru-Stat. Импорт в Россию. Часы всех видов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru-stat.com/date-Y2014-2018/RU/import/world/1891>

The price dimension of the market trends in the sample demand's consumer goods

Julia A. Kovalchuk, Dr. of Sci (econ.), Professor
E-mail: fm-science@inbox.ru

Marina E. Merzlyakova
E-mail: m_strelkova@bk.ru

Abstract

Subject / topic. The features of consumer goods pricing on the example of watches, including luxury segment of the market. **Goals / objectives.** The aim of the study is to identify the parameters of the impact on the cost of watches as representatives of the group of consumer goods of selective demand. **Methodology.** In order to achieve the goal of the study, a comparative analysis of the

price parameters of watches in the context of the features of the watch mechanism, the dial, case and bracelet, the inclusion of additional functions, the brand, the availability of its own developments in watchmaking, sales, distribution, service, investment opportunities. **Results.** The factors influencing the cost of Swiss watches, including the influence of the dynamics of gold prices and the Swiss franc exchange rate, are analyzed. The ratings of the leading manufacturers of watches of the middle price segment, premium class, sports watches, inexpensive brands of watches are presented. The changes in the structure of imported watches on the Russian market are estimated and the steady trends of influence of technological and resource parameters on their cost, as well as the orientation of manufacturers and consumers to compromise "price-quality" are highlighted. **Conclusions / significance.** The high-yield segment of the consumer goods market in question is the classic wristwatch, the manufacture of which involves the use of advanced technologies, unique crafts and know-how. The analysis of statistics of importation of Swiss watches to Russia for the period 2014-2018 showed a significant change in the structure of the watches market, characterized by a change in the priorities of buyers in assessing the quality of goods, as well as the possibility of purchases directly from the manufacturer for the luxury segment.

The article was prepared by MEI RAS as part of the state task of FASO Russia, research topic «Scientific and technological development of the economy of sectoral markets»

Keywords: *consumer goods, wristwatches, price, cost factors, Swiss watches*

Об авторах

Ковальчук Юлия Александровна, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН, Москва.

Мерзлякова Марина Эдуардовна, студент, Рязанский государственный радиотехнический университет, Рязань.

About authors

Kovalchuk Julia, Doctor of Economics, Professor, Principal Researcher, Market Economy Institute of RAS, Moscow, Russia.

Merzlyakova Marina, Student, Ryazan State Radio Engineering University, Ryazan, Russia.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИИ

УДК 330.354

ГРНТИ 06.52.13:06.52.17

The stability-saving process of the cooperative behavior of autonomous agents` teams in dynamic problematic spheres of the digital economy*E.L. Loginov, Dr. of Sci. (Econ.), Professor of RAS*

E-mail: evgenloginov@gmail.com

V.E. Loginova

E-mail: urmastermind@yandex.ru

Abstract

The article is focused on stability-saving problems of the digital economy as socio-cognitive mechanism. It is determined by the autonomous agents` teams in intellectual mobility realization in conditions of information "noise" and other external factors. The authors suggest creating the configuration of the basic characteristics of a complex of systems for monitoring and managing the formation of individual and group cognitive-reflective models. It is made to identify and interpret the reasons of agents` behavior that is realized through the information networks. Identifying the weak spots of it allows us to make management decisions, to plan the measures of the interactive communication, establish the feedback and take corrective steps as a tool for constructing of the future.

The article was prepared by the MEI RAS within the framework of the State task, the theme of the research is "Scientific and technological development of the economy of the industrial markets".

Keywords: *digital economy, state, intellectual mobility, behavioral activity, monitoring, cognitive-reflective models, cognitive imprinting matrices, interactive communication, future construction*

Some associations of information-cognitive consumers (collectives of autonomous agents) form the organizational and functional framework of the corresponding complex network systems. Investigation of the properties of these associations forms a set of characteristics of aggregated personality-cognitive clusters as part of a kind of personal-cognitive supersystem of the digital economy.

The complexity of solving this problem lies in its multifacetedness, since random or initiated malfunctions in just a few directions of imprinting to individuals, of which collectives of agents, stereotypes of behavior based on well-established methods of interpretation of the surrounding reality, can divide a single system for maintaining the effectiveness of intellectual mobility on isolated areas [2; 11]. It is necessary to underline a large amount of information "noise" or direct information attacks, the information affecting the individual is distorted, which requires the development of new concepts using current technical achievements [12]. Including with the focus on overcoming existing barriers (technical, departmental, etc.) for effective joint work of various organizational, technological, etc. structures management [6; 10].

When developing campaigns for the formation of individual and group cognitive-reflective models for identifying and interpreting what is happening, which serve as a source of action for collectives of autonomous agents as a tool for constructing the future, the authors took into account and used the results of a number of well-known projects, including earlier and last years (Ageev A.I., Lepsky V.E., Lefevr V.A., Rastorguev S.P., Shevrin H., etc.) [1; 4; 5; 11; 14]. Particularly promising in this regard is the Russian concept of creating a multifunctional information monitoring system - a noo-scope, as a platform for prognostication of deep processes and trends and a tool for direct design of the future [3]. Also interesting in a similar work plan is Kaleva Litaru, devoted to his method - Culturomics 2.0 and the GDELT project - the creation of the analytical forecasting platform Destrometer.

Given the considerable probability of temporarily blocking the active participation of collectives of autonomous agents in various forms of intellectual mobility during information attacks on personal-cognitive clusters (for example, the events of September 11, 2001 in the United States that "knocked down" the politico-civilizational setting of the million autonomous agents both in the US and in other

countries of the world) with a large situational component of the uncertainty of the consequences (due to lack of information and for other reasons), the authors suggest iratsya on the controlled fragmentation of the whole personality-cognitive super-digital economy within the framework of stable or unstable structured-en aggregated personality-cognitive clusters (similar to temporary functional neuronal clusters). On this basis, it is proposed to implement the subsequent restoration of the systemic integrity of the structure of social and economic relations determined by the political or other interests of individual autonomous agents within the framework of imprinted methods of identifying the surrounding reality based on configuring ways of communicating information to the consumer.

To create a consolidating collective of autonomous agents, their "convolution" into cluster structures of a lower level than clusters, it is necessary to break up the personality-cognitive supersystem of the digital economy in such a way that each aggregated personality-cognitive cluster is represented as a kind of aggregated information- a cognitive consumer, strongly or loosely related to other aggregated personality-cognitive clusters.

It is necessary to create a package of situational analysis models of the installation that are dynamically adapted to the individualized profile of the continuous assessment of the state of decay, stability, or the formation of new (or their generality) clusters based on the dynamics of intra-cluster and intercluster information relationships and information exchange volumes. At the same time, situational analysis should concern heterogeneous data generated by human, electronic sensors and network devices in dynamic problem environments of the digital economy for constant monitoring refinement of the assessment of the dynamically changing situation in dynamic problem environments of the digital economy.

It is supposed to develop a subject-adapted configuration of the basic characteristics of a complex of monitoring and managing the formation of individual and group cognitive-reflective models for identifying and interpreting what is happening, serving as the source of the actions of collectives of autonomous agents within the framework of virtually and organizationally structured chains (networks) - a significant for the economy - the nature, realized through information networks. Here, it is necessary to operate with working parameters of the work of information and telecommunications networks, providing individuals with information about what is happening in the economy, within the personal-cognitive supersystem of the digital economy. It is necessary to identify the system-parametric relationships (relations), incl. the amount of flow of information affecting the personality and its perception, penetration of the level of unconscious imprinting worldview stereotypes and use for identification and interpretation of what is happening. On this basis, it is possible to develop managerial decisions regarding participation in intellectual mobility in the areas of the personal-cognitive supersystem of the digital economy, formed by the results of the monitoring phase and the initial situational analysis of the studied socio-cognitive education in the dynamic problem environments of the digital economy.

For monitoring, it is supposed to develop a set of tests for predicting the effects of information "noise" as a variety of latent information attacks based on retrospective analysis and predicting the amount of flow of information affecting and affecting the personality, penetrating the level of unconscious imprinting worldview stereotypes and using for identification and interpretation of what is happening in relation to the participation of large masses of people in various forms of the manifestation of an intellectual mobility.

The results of testing should provide an opportunity to increase the observability of information and telecommunications networks, providing individuals with information about what is happening in the economy (the Internet, television and radio programs, etc.). This is especially important in the context of a potentially critical cascade development of the effect of damage from the avalanche-like distribution that disaggregates the existing clusters of [real or distorted] information about the processes occurring in the economy (state) and the acute shortage of stabilizing information tools for maintaining the normal operation of the system of governance of the state and the economy.

If, as a result of the information attack, the cognitive imprinting matrices peculiar to a particular person [as part of an isolated or unselected group - the collective of autonomous agents] in one segment of these socioeconomic communities come out of the established system for the realization of behavioral activity, this can cause a way out of the established systems of realization of all behavioral activity on the basis of cognitive imprintational matrices peculiar to a particular person in another segment of the community. And this, in turn, entails an iterative cascade damage to cognitive im-

printational matrices peculiar to a particular person [as part of an isolated or non-singled out group - a collective of autonomous agents] in many different segments of the social subsystem of the digital economy under study.

The criteria for observability should be oriented towards the aggregated personality-cognitive cluster as a functionally stable element of the organization of the personal-cognitive supersystem of the digital economy. The impact on the cluster allows preserving or disrupting the stability of the structure of social and economic relations determined by the political or other interests of individual autonomous agents within the framework of imprinted methods of identifying the surrounding reality in order to stabilize the process of ensuring consistency of successive decisions in the chains (service delivery chains) of any - significant for the economy - character or other forms of manifestation of intellectual mobility in conditions of probable destruction of the system we are in connection with information attacks.

A set of convergent information, telemetric, sensor services allows you to define a set of dynamic monitoring patterns. These patterns in the field of socio-economic processes, where the process of joining a person to an aggregated group of people (agents), united by explicit or latent political intentions, initiated by information attacks, their models of group actions, may be completed or continue, depending on the heterogeneity of the state and regime parameters functioning and interaction of distributed information objects, information networks and consumers of information. Monitoring patterns are the subpatterns of the pattern of neural networks corresponding to this target block and their analogues within the framework of the model when the parallel operation of many cognitive imprinted matrices peculiar to a particular person [as part of an isolated or not isolated group of autonomous agents] and the ability of the network to change its configuration contribute to high reliability of such a network structure, depending on the heterogeneity of the parameters of its state.

System-parametric interrelations allow calculating the "convolution" and splitting of the personal-cognitive supersystem of the digital economy in such a way that each aggregated personality-cognitive cluster is represented as a sort of aggregated information-cognitive consumer. This consumer can be strongly or loosely coupled with other aggregated personality-cognitive clusters present in the general electronic content (also available for polycentric search systems for object-oriented indexing of the web content of an individual or a cluster as a whole).

In accordance with the proposed technology, the configuration of methods for communicating to the consumer any information within the cluster and intercluster information interconnections and the amount of information exchange is made based on a system and situational analysis of heterogeneous data generated by man, electronic sensors and network devices in dynamic problem environments of the digital economy. The purpose of configuring ways to communicate information to the consumer is to maintain a balance between stability and variability (by analogy with the synchronization of cellular brain ensembles in the course of changing neural interaction) both in normal and in extreme conditions of information attack.

Monitoring makes it possible to identify the correspondence of a subject-adapted configuration of the basic characteristics of the possibility of operating the operating parameters of the information and telecommunications networks, providing the individual with information about what is happening in the economy [9].

In the framework of the personal-cognitive supersystem of the digital economy - depending on the impact of information "noise" as a form of latent information attacks - it is necessary to diagnose individual objects, segments of communities and the whole system (similar to dispersed neural circuits) to restore the structure of social and economic ties, determined by the political or other interests of individual autonomous agents within the framework of imprinted methods of identifying the surrounding reality for stabilization of the process of ensuring consistency of successive decisions in the chains (networks) of rendering services of any kind - significant for the economy - character or other forms of manifestation of intellectual mobility.

A package of methods for monitoring information and telecommunications networks that provide individuals with information about what is happening in the economy, implemented with respect to the avalanche spreading of disaggregating clusters of [real or distorted] information about the processes occurring in the economy (state), including dynamic patterns in the field of socio-economic processes. For socio-economic processes, a special danger poses a cascade failure of stability, which, due to information attacks, may result or continue, depending on the heterogeneity of the state param-

ters and the mode of operation and interaction of distributed information objects, information networks and consumers of information.

Monitoring services should allow using application software packages to simulate the development of a situation with the orientation to maintaining the work of a set of elements of a controlled set of information and computing capacities in the context of increasing the observability of information and telecommunications networks that provide individuals with information about what is happening in the economy (Internet, TV and radio programs, etc.) in interconnection with the minimum possible volumes of perception, penetration to the level of the unconscious imprinting worldview stereotypes and their use for identification and interpretation of what is happening.

This package of methods for monitoring information and telecommunications networks that provide individuals with information about what is happening in the economy presupposes the possibility of supporting the necessary activity of each cluster as a fractal part of the personal-cognitive supersystem of the digital economy when performing the functions of implementing social and economic ties determined by political or other interests of individual collectives of autonomous agents. The activity of the cluster is realized within the framework of imprinted methods of identification of the surrounding reality in order to stabilize the process of ensuring consistency of successive decisions in chains (services) providing services of any kind - significant for the economy - character or other forms of manifestation of intellectual mobility within the criteria of maintaining the necessary activity of the digital economy and the possibility regulation of these processes by government institutions of governance.

The connection of each pattern in the field of socio-economic processes, where the cascade failure of stability initiated as a result of the influence of information "noise" as a form of latent information attacks can be completed or continue [depending on the heterogeneity of the state parameters and the mode of functioning and interaction distributed information objects, information networks and information consumers] allows in the context of the situation analysis to extract information about the development of processes in the community under study and or about the results that are close to them as the basis for determining the state of the stability of the society in relation to the initial information regime with respect to the behavioral activity of the entire personality-cognitive supersystem of the digital economy as a whole.

In the system under consideration, for the analysis and decision-making in the interests of controlled fragmentation of the entire personality-cognitive supersystem of the digital economy within the framework of stable or unstable structured aggregated personality-cognitive clusters (by analogy with temporal functional neural clusters) -parametric interrelations of various aspects of the official and real political orientation of the individual, the quality of her professional training, the cultural level, interests, strong-willed qualities, internal motivation, taking into account the identification of retrospective dynamics of information underlying the personality characteristics.

The novelty of the stated approach is the development of a methodology for dynamic analysis of heterogeneous segments of the operational information space, which provides for the modeling of the work of information and telecommunications networks that provide individuals with information about what is happening in the economy to perceive the associated packets of cognitive imprint matrices.

The introduction of consolidating teams of autonomous agents of their "convolution" methods into cluster structures of a lower level than clusters and, if necessary, the division of the personal-cognitive supersystem of the digital economy in such a way that each aggregated personal-cognitive cluster is represented as its own kind, an aggregated information-cognitive consumer, strongly or loosely linked with other aggregated personal-cognitive clusters, ensures the identification of vulnerabilities to the target ION informational attacks on key standards of behavior, ways of implementation of socio-economic relationships [1; 8].

Vulnerability identification allows supporting the development of management decisions, planning measures for the configuration of interactive communication used to exchange information in information networks, educational, cognitive, entertaining, etc. systems, establishing feedback and taking corrective measures [7; 13].

As a result, a comprehensive solution of the issues of the structure-and-functional organization of the personal-cognitive supersystem of the digital economy is realized in the implementation of socio-economic relations determined by the political or other interests of individual collectives of auton-

omous agents within imprinted methods of identification of the surrounding reality to stabilize the process of ensuring the consistency of successive decisions in chains (networks) providing services of any kind - significant for the economy - rockets or other forms of manifestation of intellectual mobility within the criteria of maintaining the necessary activity of the digital economy and the efficiency of public administration institutions.

References

1. Ageev A.I., Loginov E.L. The battle for the future: who will be the first in the world to master the monitoring and cognitive programming of subjective reality? [Bitva za budushhee: kto pervym v mire osvoit noomonitoring i kognitivnoe programmirovaniye subektivnoy realnosti?]. Economic strategies. 2017. Vol. 19. No. 2 (144), P. 124-139.
2. Bugaev A.S., Loginov E.L., Raikov A.N., Sarayev V.N. The semantics of network contacts [Semantika setevykh kontaktov]. Scientific and technical information. Series 1: Organization and methodology of information work. 2009. No 2, P. 33-36.
3. Vaino A.E., Kobayakov A.A., Sarayev V.N. The image of Victory [Obraz Pobedy]. Moscow: Institute of Economic Strategies of the Russian Academy of Sciences, "GLOWERS" Company, 2012, 140 p.
4. Lepsky V.E. The reflexively active mediums of innovative development [Refleksivno-aktivnye sredy innovacionnogo razvitiya]. Moscow: Publishing house "Kogito-Center", 2010, 280 p.
5. Lefevre V.A. The reflection [Refleksiya]. Moscow: Kogito-Center, 2003, 495 p.
6. Loginov E.L., Raikov A.N., Eriashvili N.D. The cognitive-network models for the preparation of individuals and their aggregated groups for the solution of complex professional tasks in the crisis conditions of a rapidly changing external environment [Jeriashvili N.D. Kognitivno-setevye modeli podgotovki otdel'nykh individov i ih agregirovannykh grupp k resheniju slozhnykh professional'nykh zadach v krizisnykh usloviyakh bystro iz-menjajushhejsja vneshnej sredy]. Public Service and Personnel. 2015. No. 1, P. 89-95.
7. Loginov E.L., Eriashvili N.D., Bortalevich S.I., Loginova V.E. The technology of constructing personality qualities based on imprinted reflective matrices [Tehnologiya konstruirovaniya kachestv lichnosti na osnove imprintiruemykh refleksivnykh matric]. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 7, P. 252-256.
8. Loginov E.L., Eriashvili N.D., Bortalevich V.Yu., Loginova V.E. The cognitive programming behavioral trajectories of government officials to support the work of state management institutions in complex rapidly changing conditions [Kognitivnoe programmirovaniye povedencheskikh traektorij sotrudnikov gosvedomstv dlja podderzhki raboty gosudarstvennykh institutov upravleniya v slozhnykh bystroizmenjajushhihsja usloviyakh]. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 5, P. 250-256.
9. Mussel L.V., Mussel A.G. The integration of semiotics, cognitive graphics and semantic modeling in intelligent semiotic control systems of situational management [Integraciya semiotiki, kognitivnoj grafiki i semanticheskogo modelirovaniya v intellektual'nykh semioticheskikh sistemah situacionnogo upravleniya]. Open semantic technologies of designing intelligent systems. 2016. No. 6, P. 71-76.
10. Natarov V.I. The Neuromenezhment: reliability of human cognitive functions in security systems [Nejromenedzhment: nadezhnost' kognitivnykh funkciy cheloveka v sistemah obespecheniya bezopasnosti]. Cognitive psychology: methodology and practice. Collective monograph. St. Petersburg, Publishing house VVM, 2015, P. 440-450.
11. Rastorguev S.P., Chibisov V.N. The purpose as a cryptogram: crypto-analysis of synthetic targets [Cel' kak kriptogramma: kriptanaliz sinteticheskikh celej]. Moscow, Yachtsmen, 1996, 432 p.
12. Raikov A.N. The semantics and Metaphysics of Motivations and Goals in Governance [Semantika i metafizika motivacij i celej v upravlenii]. Scientific and Technical Information. Series 1: Organization and methodology of information work. 2008. No 12, P. 12-19.
13. Stolyarenko A.M., Eriashvili N.D. The application of psycho-technical observation to identify potentially dangerous persons [Jeriashvili N.D. Primenenie psihotekhniki nabljudeniya dlja vyjavleniya potencial'no opasnykh lic]. Education. The science. Scientific staff. 2014. No. 6, P. 215-219.
14. Shevrin H., Williams W.J., Marshall R.E. The system for assessing verbal psychobiological correlates - US Patent N 4699153. 1987.

Поддержка стабильности кооперативного поведения коллективов автономных агентов в динамических проблемных средах цифровой экономики

Е.Л. Логинов, д.э.н., профессор РАН
E-mail: *evgenloginov@gmail.com*

В.Е. Логинова
E-mail: *urmastermind@yandex.ru*

Статья посвящена проблемам поддержки стабильности цифровой экономики как социально-когнитивного образования, детерминированного участием коллективов автономных агентов в механизмах реализации интеллектуальной мобильности в условиях информационного «шума» или иных факторов, вызывающих выход из устоявшейся системы реализации поведенческой активности. Предполагается разработать предметно-адаптированную конфигурацию базовых характеристик комплекса систем мониторинга и управления формированием индивидуальных и групповых когнитивно-рефлексивных моделей для идентификации и интерпретации происходящего, служащих источником действий коллективов автономных агентов в рамках виртуально и организационно структурированных цепочек (сетей) оказания услуг любого - значимого для экономики - характера, реализующихся через информационные сети. Идентификация уязвимостей к целенаправленным информационным атакам на ключевые нормы поведения и способы реализации социально-экономических взаимосвязей позволяет осуществлять поддержку выработки управленческих решений, планирование мер конфигурирования интерактивной коммуникации, используемых для обмена информацией в информационных сетях, образовательных, познавательных, развлекательных и т.п. системах, установление обратной связи и принятие корректирующих мер как инструмента конструирования будущего.

Статья подготовлена в рамках Государственного задания ИПР РАН, тема НИР № 0163-2016-0007 "Научно-технологическое развитие экономики отраслевых рынков"

Ключевые слова: *цифровая экономика, государство, интеллектуальная мобильность, поведенческая активность, мониторинг, когнитивно-рефлексивная модель, когнитивная импринтационная матрица, интерактивная коммуникация, конструирование будущего*

Об авторах

Логинов Евгений Леонидович, д.э.н., профессор РАН, эксперт РАН, дважды лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, зам. директора Института проблем рынка РАН, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Логинова Валерия Евгеньевна, м.н.с., Институт проблем рынка РАН, Москва.

About authors

Loginov Evgeny Leonidovich, Doctor of Sci. (Econ.), Professor of RAS, Expert of RAS, twice laureate of the Government Prize of Russia in Science and Technology, Deputy Director of Market Economy Institute of RAS, Professor of the Department of World Economy and World Finances at the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Loginova Valeria Evgenievna, Junior Researcher, Market Economy Institute of RAS, Moscow.

УДК 332
ГРНТИ 06 (82)

Современные подходы к инновационному процессу в АПК

М.Н. Дудин, д.э.н., профессор
E-mail: dudinmn@mail.ru

Аннотация

Предмет/тема. Тема данной статьи – ключевые аспекты инновационно ориентированного развития российского агропромышленного комплекса. Предмет исследования – технологии и процессы управления инновационно прорывным развитием агропромышленных предприятий. **Цели/задачи.** Цель исследования заключается в определении приоритетных технологических решений, которые смогут обеспечить устранение накопленных проблем в сфере животноводства. Основные задачи состояли в анализе тенденций и закономерностей развития российского агропромышленного комплекса, в исследовании зарубежного опыта внедрения инноваций, в определении потенциальной возможности использования зарубежных инновационных решений в условиях российского сельского хозяйства. **Методология.** Данная статья основана на совокупности методов исследования: аналитических, статистических, сравнительных, в том числе был использован контент-анализ российских и зарубежных источников по теме работы. **Результаты.** Полученные данные свидетельствуют о том, что российский агропромышленный комплекс обладает значительным, но неиспользуемым производственным потенциалом. Для полного освоения накопленного потенциала необходимы инновационные решения, ориентированные на средне- и долгосрочную перспективу. **Выводы/значимость.** В российском агропромышленном комплексе накоплен ряд проблем, которые не позволяют реализовать инновационно прорывной сценарий развития, но основной сдерживающий фактор – это неготовность сельскохозяйственного предпринимательства к долгосрочным инвестициям в наукоемкие технологии. Поэтому основной вывод состоит в том, что необходимо создание специализированных обучающих центров по развитию профильных предпринимательских компетенций для сферы сельского хозяйства и агропромышленного производства. **Применение.** Полученные выводы и результаты исследования могут быть использованы при разработке региональных и локальных программ стимулирования предпринимательской активности в сфере сельского хозяйства и агропромышленного производства.

Статья подготовлена ИПР РАН по теме государственного задания "Мониторинг и прогнозирование стратегического развития АПК".

Ключевые слова: инновации, технологии, научно-технический прогресс, экономическая эффективность, процесс, внедрение, затраты, инвестиции, аграрно-промышленный комплекс, предпринимательство

К настоящему моменту исследования в России сложилась уникальная ситуация – с одной стороны, агропромышленный потенциал в национальной экономике признается весьма высоким, но с другой стороны программы по импортозамещению (в первую очередь на продовольственном рынке) реализуются либо с задержкой, либо с существенными отклонениями от целевых ориентиров [1, 2, 3]. Поэтому вопросы быстрого перехода на инновационно ориентированный путь развития для российского агропромышленного комплекса (далее и везде АПК) становятся особенно актуальными.

Весьма часто в российских научных трудах можно встретить утверждение о том, что инновационные преобразования в отраслях и сферах российской экономики могут быть реализованы только за счет массивной государственной поддержки этих процессов. Это означает, что частный капитал (предпринимательство и крупные корпоративные структуры) будут в меньшей степени заинтересованы в интенсивном освоении результатов научно-технического прогресса и внедрении инноваций в основные, вспомогательные и управленческие бизнес-процессы. Как показывает опыт экономически развитых стран, уже перешедших на постиндустриальную модель развития, наиболее весомый инновационный потенциал сформирован в частном предпринимательском и корпоративном секторе, поскольку и предприниматели, и руководители

крупных компаний самостоятельно определяют приоритеты развития своих предприятий с учетом максимизации экономических и неэкономических выгод. Это обеспечивает быстрый экономический рост и повышение конкурентоспособности производимой продукции.

Однако роль и значимость государственного участия в инновационно ориентированном развитии экономики (в том числе и АПК) нельзя игнорировать. Это связано с тем, что государство, определяя национальные экономические приоритеты, задает институциональный вектор развития, формируя тем самым не только возможности, но и определенные ограничения для частнопредпринимательской деятельности. Эти ограничения в первую очередь связаны со стремлением обеспечить устойчивость социально-экономического развития, а также социальную и экологическую ответственность предпринимательских и корпоративных структур перед обществом.

Безусловно, российский АПК является в текущих условиях лидером по экономическому росту – достаточно провести сравнение темпов прироста производства в АПК и темпов прироста национального ВВП (в постоянных ценах, см. рис. 1).

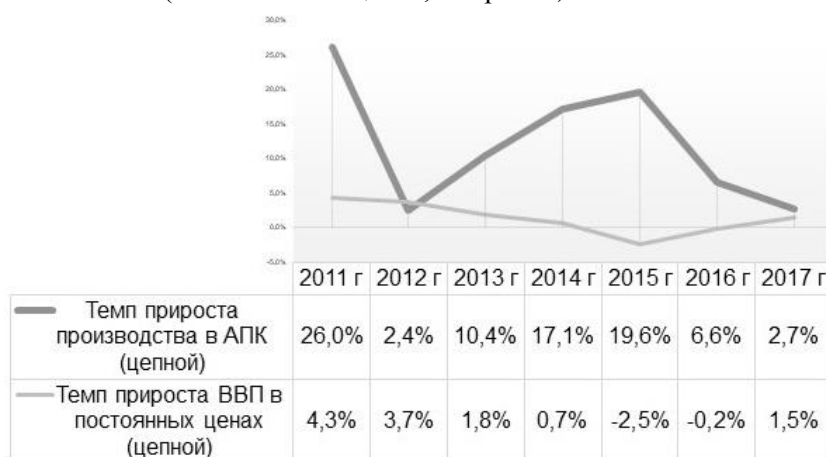


Рис. 1. Сравнительная динамика темпов прироста производства в АПК и темпов прироста национального ВВП [4]

Однако стабильная понижающаяся тенденция в темпах прироста производства в российском АПК, которая прослеживается в последние два года (2016 и 2017 гг.) вероятно в первую очередь связана с тем, что потенциал традиционного роста за счет экстенсивных факторов исчерпан, а интенсивные факторы развития российской сельскохозяйственной и агропромышленной отрасли не были сформированы за период продуктового эмбарго. Так, например, если сравнить темпы снижения импорта мяса птицы и темпы прироста его внутреннего производства, то можно отметить следующее (рис. 2).

Очевидно, что в первые два года после введения продуктового эмбарго объемы поставок мяса птицы на российский рынок сократились и весьма существенно (более чем в два раза в тыс. тонн по итогам трех лет), но внутреннее производство показало невысокий прирост (в целом за три года не более чем на 11%). Если текущая ситуация будет сохраняться, то уже в краткосрочном периоде темпы прироста импорта мяса птицы увеличатся, а динамика внутреннего производства будет отрицательной. При этом российский АПК получает существенную государственную поддержку на реализацию программ развития и программ импортозамещения. В частности, только в 2017 году из государственного бюджета было выделено порядка 220 млрд рублей, а в 2018 году планируется выделение еще 240 млрд рублей.

Стоит отметить значительный прирост экспорта сельскохозяйственной продукции по итогам 2017 года (порядка 17 млрд долларов США), но и здесь проблема в том, что за рубеж поставляется в основном сырье и промежуточная продукция низких переделов, которая не формирует высокую добавленную стоимость, хотя экспорт сельскохозяйственной продукции приносит государственному бюджету гораздо больше экономических выгод, нежели экспорт военной техники и вооружения [6].



Рис. 2. Сравнительная динамика объемов импорта и объемов внутреннего производства мяса птицы (в условно-натуральных единицах) [4, 5, 6]

Следует выделить ряд ключевых проблем, которые сдерживают развитие российского АПК и не позволяют реализовать инновационно прорывные сценарии его развития:

- во-первых, высокий уровень закредитованности предприятий сельского хозяйства и сферы агропромышленного производства. В отдельных случаях уровень кредитной нагрузки сопоставим с уровнем выручки от реализации продукции. Основная проблема в том, что сохраняется высокая себестоимость производства при соответственно низком уровне рентабельности;
- во-вторых, общий дефицит кадров и в том числе критический дефицит высокопрофессиональных кадровых ресурсов, необходимых для эффективной организации основных, вспомогательных и управленческих бизнес-процессов в российском АПК;
- в-третьих, низкая предпринимательская активность в АПК, не способствующая сохранению набранных за годы продуктового эмбарго темпов экономического роста;
- в-четвертых, низкая инвестиционная привлекательность сельского хозяйства и сферы агропромышленного производства, что не позволяет решить три выше перечисленные проблемы.

Таким образом, с одной стороны мы можем считать российский АПК локомотивом в национальной экономике, но с другой стороны требуются меры и решения, которые обеспечат устойчивость развития всей сельскохозяйственной сферы и в том числе территорий, на которых функционируют агропромышленные предприятия страны. Инновационный вызов становится весьма ощутимым, тем более, что ведущие внешнеэкономические партнеры России (например, Китай) активно переходит на высокотехнологичную базу функционирования и развития агропромышленного производства [3, 8].

Достижения в агропромышленной сфере, которые демонстрируют европейские страны, могут стать тем необходимым опытом, который может быть перенесен в российские реалии отрасли сельского хозяйства и агропромышленного производства. В частности, такой позитивный опыт уже используется в ряде стран и не только в экономически развитых (таких как Канада, Австралия и США), но и в странах с переходной экономикой (например, в ЮАР). Здесь стоит привести пример эффективного внедрения британской технологии (компании Anglia Autoflow) логистики живой птицы в животноводческих отраслях. Внедрение такой технологии позволяет, во-первых, существенно снизить издержки и, соответственно, сократить себестоимость, а значит повысить прибыльность производства мяса птицы. Во-вторых, данная технология легко адаптируема для различных геоклиматических условий, что позволяет использовать её повсеместно для модернизации агропромышленного производства в сфере птицеводства.

Но проблема состоит еще и в том, что отраслевые союзы и лоббирующие организации видят свою задачу в защите российского производителя агропромышленной продукции. Но задача эта решается только через сокращение импортных поставок продукции. Это решение можно счи-

тать эффективным в краткосрочном периоде, когда, например, российским птицефабрикам нужен период для внедрения и адаптации инноваций с тем, чтобы создать высокотехнологичную производственную базу. Но в среднесрочной и долгосрочной перспективе сокращение импорта и присутствия на внутреннем рынке продукции импортного производства будет негативно влиять на стремление производителей совершенствовать организацию своей деятельности и выпускать конкурентоспособную продукцию.

Выше нами была упомянута британская технология логистики живой птицы. Стоит в этом контексте также отметить, что данная технология может быть использована для автоматизации отлова бройлеров и последующей их обработки для убоя [7, 9]. В данном случае используются гуманные способы подготовки птицы к убою (без лишнего травматизма и стресса для животных), которые позволяют отказаться от неквалифицированного труда. Кроме этого за счет автоматизации сокращается численность обслуживающего персонала, и этот аспект позволяет решить проблему обеспечения кадрами российских птицефабрик. Сокращение непроизводительных затрат на низкоквалифицированный труд позволяет в свою очередь увеличить рентабельность производства без роста цен на конечную продукцию. Очевидно, что данное инновационное решение действует не только в интересах производителя, но и в интересах потребителя.

Еще одна инновационная технология, успешно используемая итальянской компанией FAZA, может решить проблему заготовки мяса свинины и баранины, в том числе это технологическое решение позволяет вести заготовку индеек и водоплавающей птицы. Данная технология представляет собой гуманную мобильную бойню, которая не требует дополнительных капитальных затрат, связанных со строительством специальных помещений. Это также удешевляет производство мясной продукции, а, следовательно, позитивно влияет на экономический рост данного сегмента отрасли животноводства.

Наиболее важно здесь отметить, что упомянутые выше технологии дают реальную возможность увеличить объемы внутреннего производства продукции и реализовать инновационно прорывной сценарий развития российского АПК. Но вышеперечисленные решения – это устранение накопленных проблем, для обеспечения сбалансированного экономического роста в российском АПК необходимы долгосрочные наукоемкие технологии селекции сельскохозяйственных животных.

Так, например, генетическая база бройлерной птицы принадлежит двум частным компаниям из США и Германии. Следовательно, для решения проблемы вывода собственных породных линий сельскохозяйственных животных (в частности, бройлеров) необходимо создание специальных селекционных центров, в которых будут осуществлять исследования и вести разработки генетически чистых линий российские специалисты и ученые сельскохозяйственного профиля [1, 2, 3]. Отдельные реализованные проекты по созданию таких центров уже имеют место, но в основном это предпринимательская инициатива зарубежных инвесторов. Российская сторона весьма неактивна в части инвестиций в долгосрочное наукоемкое развитие АПК.

Об этом неоднократно говорили внешнеэкономические партнеры из США, ряда европейских стран. Так, например, по отдельным данным американские и европейские компании готовы на паритетных условиях инвестировать в наукоемкое и инновационное развитие российского сельского хозяйства и агропромышленного производства. Но неготовность и незаинтересованность российской стороны в реализации таких долгосрочных и капиталоемких проектов приводит к тому, что соглашения о намерениях не реализуются на практике. И это можно рассматривать как ключевую угрозу для обеспечения высокотехнологичного развития российского АПК. Предпринимательская инициатива, ориентированная только на быстрое получение экономических выгод, негативно влияет на эффективность государственных инвестиций в устойчивое развитие сельскохозяйственных территорий и не способствует решению уже накопленных, а также назревающих проблем.

Таким образом, подводя итоги данной статьи, необходимо отметить, что внедрение инноваций становится насущной необходимостью не только для обеспечения сбалансированного экономического роста отрасли сельского хозяйства и агропромышленного производства, но и для перехода к социально и экологически ответственному ведению предпринимательской деятельности в этой сфере. Зарубежные страны проявляют определенный интерес к инвестированию в

российский АПК, но и сложившаяся ментальность национального предпринимательства не позволяет реализовывать долгосрочные инновационные проекты с определенно высоким уровнем риска.

Дальнейшее увеличение объема государственных инвестиций в российский АПК может привести к стагнации в отрасли, поскольку статистические данные наглядно демонстрируют низкую эффективность освоения бюджетных средств и в части динамики объемов производства, и в части создания добавленной стоимости. Очевидно, что наиболее правильным решением в данном случае будет не точечное устранение накопленных проблем, но переход к созданию специальных центров развития предпринимательских компетенций для российского АПК.

Такой подход будет наиболее оптимальным, поскольку, как уже было неоднократно доказано практикой, инновационная частнопредпринимательская инициатива – это главнейший фактор перехода от низкотехнологичного к высокотехнологичному производству, и эта аксиома применима в том числе и для реализации прорывных сценариев в российском сельском хозяйстве и агропромышленном секторе.

Литература

1. Сорокин Д.Е. Условия перехода к инновационному типу экономического роста // Модернизация, инновации, развитие. 2017. № 2. С. 33.
2. Цветков В.А. Агропромышленный комплекс России: современное состояние, необходимые и достаточные условия выхода из кризиса // Проблемы рыночной экономики. 2017. № 3. С. 14-16.
3. Чешев А.С., Тихонова К.В. Развитие и функционирование сельскохозяйственного землепользования на основе внедрения инновационных подходов // TERRA ECONOMICUS. 2016. Том 8. С. 71.
4. Официальная статистика (2018) // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/ (дата обращения 06.04.2018)
5. Таможенная статистика внешней торговли (2018) // Федеральная таможенная служба. URL: http://www.customs.ru/index.php?id=13858&Itemid=2095&option=com_content&view=article (дата обращения 06.04.2018)
6. Экспорт продукции превысил экспорт вооружений (март 2018) // ТАСС (Информационное агентство России). URL: <http://tass.ru/ekonomika/5004701> (дата обращения 06.04.2018)
7. Guarino M., Norton T., Berckmans D., Vranken E., Berckmans D. A blueprint for developing and applying precision livestock farming tools: A key output of the EU-PLF project // Animal Frontiers. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 12-17.
8. Jiao X.Q., He G., Cui Z.L., Shen J.B., Zhang F.S. Agri-environment policy for grain production in China: toward sustainable intensification // China Agricultural Economic Review. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 78-92.
9. Lima E., Hopkins T., Gurney E., Shortall O., Lovatt F., Davies P. Drivers for precision livestock technology adoption: A study of factors associated with adoption of electronic identification technology by commercial sheep farmers in England and Wales // PloS one. 2018. Vol. 13. No. 1. e0190489.

Modern approaches to the innovation process in the agro-industrial complex

Mikhail N. Dudin, Doctor of Sci. (Econ.), Professor
E-mail: dudinmn@mail.ru

Abstract

Subject / topic. The topic of this article is the key aspects of the innovation-oriented development of the Russian agro-industrial complex. The subject of the research is the technologies and management processes of innovative breakthrough development of agro-industrial enterprises. **Goals / objectives.** The aim of the study is to identify priority technological solutions that can ensure the elimination of accumulated problems in the field of animal husbandry. The main tasks were to analyze trends and patterns of development of the Russian agro-industrial complex, to study foreign experience in introducing innovations, and to determine the potential for using foreign innovative solutions

in the conditions of Russian agriculture. **Methodology.** This article is based on a set of research methods: analytical, statistical, comparative, including the content analysis of Russian and foreign sources on the topic of the work. **Results.** The data obtained indicate that the Russian agro-industrial complex has a significant, but unused, production potential. To fully master the accumulated potential, innovative solutions are needed that are oriented to the medium and long term. **Conclusions / significance.** In the Russian agro-industrial complex, a number of problems have accumulated that do not allow the implementation of an innovative breakthrough development scenario, but the main deterrent is the unwillingness of agricultural entrepreneurship to make long-term investments in science-intensive technologies. Therefore, the main conclusion is that it is necessary to create specialized training centers for the development of specialized entrepreneurial competencies for agriculture and agro-industrial production. **Application.** The findings and results of the study can be used to develop regional and local programs to stimulate entrepreneurial activity in the field of agriculture and agro-industrial production.

Keywords: *innovations, technologies, scientific and technical progress, economic efficiency, process, implementation, costs, investments, agrarian and industrial complex, entrepreneurship*

Об авторе

Дудин Михаил Николаевич, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ИПР РАН, Москва.

About author

Dudin Mikhail Nikolaevich, Dr. of Sci. (Econ.), Principal Researcher, Market Economy Institute of RAS, Moscow.

УДК: 338.4
ГРНТИ: 06.71.03

Оценка перспективности использования метана угольных пластов в качестве газомоторного топлива

П.В. Медведев, к.э.н.,
E-mail: *pvm85@yandex.ru*

О.Е. Медведева, д.э.н.,
E-mail: *medvedeva_o@list.ru*

Аннотация

Предмет/тема. В статье сформулированы основные направления по использованию метана из угольных пластов в качестве газомоторного топлива. **Цели/задачи.** Целью работы является анализ использования метана угольных пластов в качестве газомоторного топлива. **Методология.** Исследована цепочка реализации метана угольных пластов в качестве сжиженного природного газа в среднесрочной и долгосрочной перспективе. **Результаты.** Развитие данного сегмента позволит увеличить реализацию газа на региональном уровне, за счет эффекта комплексного использования объектов производственной инфраструктуры. **Выводы/значимость.** Обосновывается необходимость формирования тенденции развития добычи метана угольных пластов, как источника газа приближенного к местам его использования, а также его переработки в качестве сжиженного природного газа и газомоторного топлива. **Применение.** Рассмотренные в статье тенденции могут быть использованы как для совершенствования стратегий деятельности газовой промышленности России.

Статья подготовлена ИПР РАН в рамках государственного задания, тема НИР «Проблемы устойчивого развития России: эколого-экономический аспект».

Ключевые слова: *метан угольных пластов (МУП), сжиженный природный газ (СПГ), газомоторное топливо (ГМТ), технологическое развитие отрасли*

Переход с угля, бензина, мазута и других видов топлива на газ не только способствует улучшению эколого-экономических показателей, но и повышает эффективность использования природно-ресурсного потенциала, обеспечивает реализацию базовых принципов устойчивого развития и повышения экономической безопасности (см., например, [2,6,7]).

Начало промышленной добычи метана угольных пластов на современном этапе переходит из положения инновационной программы ПАО «Газпром» в программу государственного значения [3].

Добыча метана угольных пластов в ближайшую перспективу может достигнуть значения 650 млн. м³ в год, поэтому необходимо найти пути реализации данного газа. Наиболее перспективным решением является реализации МУП в качестве газомоторного топлива и сжиженного газа [1].

Мировыми лидерами использования СПГ на транспорте являются Китай, США, Испания и Великобритания. В Китае доля заправочных станций на СПГ выросла с 1% в 2008 году до 34% в 2013 году. Также увеличивается количество транспортных средств на СПГ. К 2015 году в Китае планировалось заместить до 10% используемого дизельного топлива на СПГ. Аналогичные планы у компаний Shell и Clean Energy в США. Однако в США наблюдается снижение темпов строительства станций СПГ. По программе America's Natural Gas Highway компании Shell и Clean Energy намеревались к концу 2012 года запустить до 160 станций, но к концу 2012-го работало 46, 2014-го – около 81, а в конце 2015-го в США функционировало 1 378 станций заправки КПП и 93 СПГ-станций. Компании связывают это с низкой активностью перехода на СПГ крупных грузоперевозчиков. Есть основания полагать, что после двух лет эксплуатации автотранспорта, переведенного на СПГ (программа была запущена в 2010 году), заявленный экономический эффект в полной мере не был подтвержден [4].

Поэтому в последних отчетах американских и канадских специалистов в области ГМТ фигурирует достаточно узкая область применения СПГ – грузовой транспорт с суточным пробегом более 750 км. Аналогичные показатели дают и голландские специалисты, работающие с логистическими европейскими компаниями. Официальные сведения о статистике потребления

газового моторного топлива в Китае за период 2013–2015 годов отсутствуют, но судя по публикуемым планам, перевод транспорта и строительство заправочных комплексов происходит высокими (хотя и с некоторым замедлением за последние два года, связанным со снижением цены на нефть) темпами, чему способствуют внутренние государственные субсидии и другие стимулирующие меры.

Для обеспечения транспорта СПГ строятся мало- и среднетоннажные станции сжижения. Малотоннажные установки по производству СПГ сосредоточены в Китае (66% от всего производства), США (14,3%), Норвегии (5,2%), России (3,7%) и ряде других стран [4]. Значительный рост числа станций сжижения наблюдается с 2000 года. Это связано с началом газификации Китая малотоннажным СПГ и появлением первых установок сжижения биометана и газа угольных пластов в Австралии, Польше и Китае. Большинство установок сжижения размещается на магистральных газопроводах (до 50%) со средней производительностью около 8 т/ч [4].

По существующей динамике ввода производственных мощностей видно, что средняя производительность малотоннажных установок растет. Это связано с постепенным развитием рынка малотоннажного СПГ, появлением постоянного потребительского спроса, что приводит к наращиванию единичных мощностей станций сжижения. Можно предположить, что наметившийся тренд сохранится до некоторой стадии насыщения рынка, оценить величину которой в настоящий момент затруднительно.

В настоящее время рынок СПГ в России не сформирован, однако имеет значительный потенциал для развития в качестве ГМТ.

Таблица 1

Ожидаемая потребность в СПГ муниципальных районов и предприятий [4]

Организация	Годовая потребность, т	Примечание
1. ООО «Березовские коммунальные системы»	75953	
2. МП «Сибирская сбытовая компания»	7150	Перевод угольных котельных на СПГ намечен на 2018- 2027 гг.
3. МУП «Водоканал» г. Междуреченск	898	
4. ОАО «Энергетик» Яшкинский район	22135	2017 год
5. ООО «Литвиновец» Яшкинский район	7824	2018 год
6. ООО «СЭЛФ» Яшкинский район	5431	2018 год
7. ООО «Акация» Яшкинский район	3025	2018 год
Итого	122416	35 % от мощности завода

Ряду организаций необходимы объемы потребления газа при переводе на газомоторное топливо автотранспорта и тепловозов.

Таблица 2

Перспективные направления использования газа [4]

Организация	Годовая потребность, т	Примечание
«Автотранс» ОАО «Угольная компания Кузбассразрезуголь»	2895	перевод автотранспорта на ГМТ
ОАО «Киселевское ПТУ»	1145	перевод тепловозов на ГМТ
ООО «Галдинское ПТУ»	1640	перевод тепловозов на ГМТ
ОАО «Западносибирский металлургический комбинат» (ЗСМК)	5430	перевод тепловозов на ГМТ
Итого	11110	

Ситуация с использованием МУП в качестве моторного может реализовываться ОАО «БЕЛАЗ» в составе карьерной техники. При реализации подобной программы возможен рост использования ГМТ и СПГ угольными компаниями в Кемеровской области.

В данном случае основная заявленная перспективная потребность в СПГ приходится на перевод тепловозов на ГМТ (74 %). Однако технология использования СПГ в качестве ГМТ для тепловозов в настоящее время еще недостаточно отработана и ориентироваться на заявленные объемы, тем более без привязки их к периодам реализации, преждевременно.

Наиболее перспективным является направление по переводу автотранспорта на газомоторное топливо (ГМТ).

С 2018 года планируется выпуск карьерных самосвалов грузоподъемностью 130 тонн, оснащенный двигателем 12V4000 мощностью 1194 кВт производства MTU Германия. Самосвал использует в качестве моторного топлива только СПГ. Часовая потребность СПГ для работы одного карьерного самосвала грузоподъемностью 130 тонн составляет 133,8 кг.

Потенциал и перспективы потребления МУП в качестве СПГ в Российской Федерации оценивались по двум основным направлениям – использование СПГ в качестве газомоторного топлива по сегментам: магистральный транспорт (грузовые автотранспортные средства), тяжелая карьерная техника, ж/д транспорт, сельскохозяйственная техника, водный транспорт, а также как источник автономной газификации.

Спрос со стороны бункеровки, карьерной техники и ж/д транспорта сосредоточен в точках (локальные рынки), что делает данные сегменты более интересными, учитывая уровень усилий на тонну реализованной продукции. Однако в силу размера требуемых со стороны потребителя инвестиций и низкой скорости принятия решений спрос со стороны сегментов бункеровки и ж/д транспорта имеет более рисковую природу, чем со стороны магистрального автотранспорта и карьерной техники.

Спрос со стороны с/х техники чрезвычайно мал и распределен по большой площади, что делает данный сегмент малопривлекательным, и должен рассматриваться только как дополнительный объем в регионах, где предполагается развертывание инфраструктуры для удовлетворения спроса со стороны остальных четырех сегментов потребителей.

Суммарный спрос со стороны всех целевых сегментов потребителей может составить до 5,3 млн т СПГ к 2032 году. В результате около 15% из всего объема топлива, потребляемого целевыми сегментами, к 2032 году может быть в форме СПГ. Однако достижение данных показателей возможно при условии преодоления существующих барьеров развития рынка [5].

В период 2022–2032 годы – активное развитие рынка СПГ – прогнозируется рост потенциала потребления СПГ в целом по Российской Федерации в 4,5 раза. При этом предполагается значительное изменение структуры потребления. Так, если к 2022 году потребление в сегментах магистрального автотранспорта и карьерной техники (около 40%) прогнозируется почти в равных долях, то к 2032 году магистральный автотранспорт займет лидирующее положение, составив около 33% от общего потенциала потребления СПГ.

В случае использования сжиженного природного газа в качестве газомоторного топлива присутствует одна технологическая особенность – в потребление поступает природный газ в жидком виде. Это единственный вид потребителей, который использует СПГ без перевода в газообразное состояние – без системы регазификации.

Данное обстоятельство позволяет использовать гибкие технологии заправки карьерных самосвалов. В классическом случае СПГ с территории завода автоцистернами – газовозами. СПГ перевозится на склад СПГ в непосредственной близости от карьера, либо группы карьеров. Далее по мере необходимости автоцистернами – газовозами, они же заправщики, СПГ подают к самосвалам на точку заправки. В случае организации диспетчеризации заправки самосвалов может быть исключен центральный склад, как перевалочная база. Газовозы-заправщики загружают СПГ на заводе и везут непосредственно в карьер на заправку самосвалов.

Таким образом, вариант использования СПГ в качестве газомоторного топлива является перспективным. Этот рынок, в отличие от реализации СПГ муниципальным образованиям для использования газа в качестве топлива котельными, характеризующегося сезонными колебаниями и неустойчивой ценовой политикой, стабильный как в части объемов потребления, так и в ценовом сегменте.

Как показывает тенденция развития добычи метана угольных пластов, наиболее экономически целесообразным является использование добытого газа в качестве газомоторного топлива и реализация топлива в районах близких к добыче.

Литература

1. Кузина Е.С., Швачко Е.В. Перспективы использования метана из угольных пластов // Наука и техника в газовой промышленности «Добыча метана из угольных пластов. Проблемы и перспективы». - 2015. - № 2 (62). – С. 22-25.
2. Мудрецов А.Ф., Тулупов А.С. «Безопасность» в постиндустриальный период развития (анализ понятийного аппарата) // Вестник университета (Государственный университет управления). 2008. № 6. С. 249-253.
3. Постановление Администрации Кемеровской области от 25.12.2014 № 525 «О включении проектов в Перечень инвестиционных проектов Кемеровской области, о присвоении статуса резидента технопарка Кемеровской области и включении в реестр резидентов технопарков Кемеровской области, о продлении периода оказания государственной поддержки резидентам технопарка, включенным в реестр резидентов технопарков Кемеровской области, и субъектам инвестиционной деятельности, инвестиционные проекты которых включены в перечень инвестиционных проектов Кемеровской области».
4. Программа развития малотоннажного производства и использования СПГ (утверждена постановлением Правления ПАО «Газпром» от 26 октября 2016 г. № 42).
5. Стратегия развития угольной промышленности Кузбасса до 2025 года (в соответствии с поручением Правительства РФ от 24 июня 2010 года № ВП-П9-35).
6. Тулупов А.С. Возмещение экологического вреда в экономике горного производства // Горный журнал. 2017. № 8. С. 61-65.
7. Porfiriyev B. N., Tulupov A.S. Environmental Hazard Assessment and Forecast of Economic Damage from Industrial Accidents // Studies on Russian Economic Development. 2017. № 6. P. 600-607.

Estimation of the prospects for the using of coalbed methane as a gas engine fuel

Pavel V. Medvedev, Cand. of Sci. (Econ.)

E-mail: *pvm85@yandex.ru*

Olga E. Medvedeva, Dr. of Sci. (Econ.), Professor

E-mail: *medvedeva_o@list.ru*

Abstract

Subject/topic. The article is devoted to the main directions for the use of methane from coal seams as a gas engine fuel. **Goals/objectives.** The aim of the paper is to analyze the use of coalbed methane as a gas engine fuel. **Methodology.** The chain of realization of coalbed methane as a liquefied natural gas in the medium and long term has been studied. **Results.** The development of this segment will increase gas sales at the regional level, due to the effect of the integrated use of industrial infrastructure facilities. **Conclusions/significance.** The necessity of formation of the tendency of development of methane extraction of coal seams, as a source of gas close to the places of its use, and also its processing as liquefied natural gas and gas engine fuel is substantiated. **Application.** The trends discussed in this article can be used both to improve the strategies of the Russian gas industry

Keywords: *coal seam methane (CSM), liquefied natural gas (LNG), gas-fueled fuel (GFF), technological development of the industry*

Об авторах

Медведев Павел Владимирович, к.э.н., младший научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН, Москва.

Медведева Ольга Евгеньевна, д.э.н., профессор, Государственный университет управления, Москва.

About authors

Medvedev Pavel Vladimirovich, PhD (econ.), Market Economy Institute, Moscow.

Medvedeva Olga Evgenievna, PhD (econ.), Professor, State University of Management, Moscow.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК: 339.91.330.368

ГРНТИ: 06.91.00

**Liberalization of Exchange Rate Policies:
International Experiences and Lessons for Uzbekistan**

Bakhtier A. Islamov, Doctor of Sci. (Econ.), Professor
E-mail: bakhtiyor.is@gmail.com

Nabi S. Ziyadullaev, Doctor of Sci. (Econ.), Professor
E-mail: nabi926@mail.ru

Ulugbec S. Ziyadullaev, Candidate of Sci. (Econ.)
E-mail: uz2005@yandex.ru

Donier B. Islamov
E-mail: donier.is@mail.ru

Abstract

Goals/objectives. Analysis of international experiences in exchange rate liberalization with the aim of extracting the necessary lessons for Uzbekistan. **Methodology.** Comparative analysis. **Results.** Comparative analysis of both positive and negative experiences of foreign states in exchange rate liberalization permits to extract certain lessons. The most important of which is the introduction of exchange rates reforms requires several steps. The first step is unification of exchange rates. The second step is free access to physical and legal persons to currency convertibility by commercial banks. The third step is to make currency freely convertible for current account transactions. Finally, without haste though, liberalization of capital accounts. A favorable internal and external environment is important for the proper timing of such reforms. The current liberalization of exchange rates in Uzbekistan envisaged by the Strategy of actions will be successful if proper lessons are drawn from its own and world experiences. **Application.** The proposed step-by-step method can be used in further liberalization of the exchange rate in Uzbekistan. **Conclusion/significance.** The authors suggest their own conclusions and approach for solving the dilemma between the “big bang” and “crown” concepts, one recommending not to start but also not to wait up to the end of reforms. The suggestion is to find a particular mix of government and market instruments, efficient and timely gradual steps related to exchange rate liberalization in each state and implement a currency convertibility consequently in the most appropriate time from viewpoint of domestic and external environment.

Keywords: *international experience, exchange rate liberalization, Uzbekistan*

Introduction

In the Decree on the Strategy of actions signed by President Shavkat Mirziyoev on February 7, 2017, liberalization of the economy is one of the top five priority directions of the development of Uzbekistan. The document envisages usage of international experience for providing stability of national currency and prices in domestic markets as well as stage by stage introduction of internationally proved market mechanisms of currency regulation and formation exchange rate to provide free convertibility of national currency [1]. Special presidential decree entitled “Urgent measures on liberalization of the exchange rate policy” was issued on September 2, 2017, that designated to start this very important process on market base [2].

For all countries in transition the choice of the right exchange rate policy has become one of the key tasks to meet the challenges of both globalization and systemic transformation to provide a proper linkage between domestic and world markets. The objective of this paper is to examine the efficiency of the different exchange rate policies, radical and gradual strategies to draw lessons for Uzbekistan.

Exchange rate liberalization policies proved to be the most acute component of transition, which regardless of the success or failure of market reforms in other areas including stabilization, privatization and even fiscal policies, could initiate financial crisis. However, the majority of international advisors were almost unanimous that an immediate move to convertibility is the best prescription for all countries in transition. Only a few warnings were made that currency convertibility should not be the starting but the finishing point of market reforms to “crown” them [3].

This article suggests its own approach for solving the dilemma between the “big bang” and “crown” concepts, one recommending not to start but also not to wait up to the end of reforms but introduce currency convertibility step-by-step in the most appropriate time from viewpoint of domestic and external environment.

Methods

The research is based on the methods of comparative analysis. Dialectical categories of "historical and logical", as well as "general, particular and individual" are used to analyze the postwar experience of industrially developed countries, market-based reforms in China, Eastern and Central European states, as well as post-soviet republics in a transition period in the area of liberalization of exchange rate policy. The aim is to extract the necessary lessons for Uzbekistan.

1. Lessons from the post-war reconstruction in Western Europe and Japan

Whether an immediate move to convertibility is the best prescription for countries in transition relied on international experiences? Is there are lessons from the post-war reconstruction in Western Europe and Japan? It took about 17-18 years after WWII in Western Europe and Japan to sign Article VIII of the IMF Charter. It happened after full reconstruction and recovery, with sufficient gold and currency reserves as well as stable positive balance of payments. Besides, it was under good external conditions: terms of trade were beneficial, foreign credit lines were available, full support of International Financial Organizations was provided as well.

So, the first lesson is the best timing from the viewpoint of domestic and external factors should have been chosen not to redouble transformation traps of radical reforms by globalization shocks of fast and unprepared opening up of the domestic markets.

The experiences of highly industrialized countries also proved the necessity of a step-by-step approach. The first task is the achievement of a unified exchange rate (it had been resolved in many European countries by 1958). In Japan, a single exchange rate was introduced as early as in April 1949. K. Hamada and M. Kasuya suggest that a unified exchange rate is important to reduce inflation, eliminate complex subsidies for exports and imports, promote exports, and in order to motivate people to engage in productive activities rather than in speculative shadow operations. What was important in their analysis, that they proved it could be introduced before convertibility under macroeconomic stabilization program [4].

The second step is non-resident current account convertibility that is the main requirement of Article VIII (many European countries introduced it in 1962, Japan in 1963). The U.K. had a negative experience from the hasty introduction of non-resident convertibility in 1947. It was rather limited and generously supported by the U.S. government (the U.K. received \$3.73 billion aid). However, current account convertibility due to a huge capital flight was soon abolished It was re-introduced a decade and half later on April 30, 1961.

The third step is full convertibility including resident and capital accounts (in France and Italy it was achieved only in the end of 1970s). The recent global and regional financial crises showed that economies need to be very cautious about the introduction of capital account convertibility without proper preparation.

2. Lessons from market reforms in China, Central and Eastern European states

China started market reforms in 1979 and only 15 years later initiated liberalization of foreign exchange markets. By the end of 1993, there existed a certain disparity between the official rate and a

“swap rate” (i.e. the black market rate) but the share of the state plan allocated to foreign exchange had fallen to less than 20 percent of the total.

On January 1, 1994, the planned allocation of foreign exchange was completely abolished, and the two tracks merged into a single market track. In December 1996, China announced current account convertibility of its currency, i.e., it signed article VIII of IMF charter 17 years after the beginning of market reforms.

However, China maintained capital control and managed to avoid the negative impact of the Asian financial crisis. Between 1994 and 1998, the exchange rate remained stable and even appreciated slightly from 8.7 yuan to 8.3 per 1 US\$. Both exports and foreign direct investment increased dramatically, and the country's foreign reserves increased from 21 billion US\$ to 145 billion US\$. Despite the Asian and Russian crises, in 1997 and 1998, China continued to attract FDI of about 45 billion US\$ annually [5], [6].

In Central and East European states (except Hungary), such countries as Czechia, Slovakia, Poland, Bulgaria and Romania had chosen much more radical, and in these cases a truly “shock therapy” approach towards convertibility. Compared to Western European states, where convertibility were introduced gradually over almost two decades starting with transactions with foreigners, they tried to do it immediately within a short period of time and in reverse order beginning with internal convertibility.

There were also some differences with regard to the regime of convertibility: the first two countries, like Hungary as well, adopted fixed exchange rates and the latter two floating exchange rates. In reality only in 1990, the first year after introduction of currency convertibility, were there improvements in foreign trade balances due to a sharp decrease of imports. But it was achieved not only as a result of a contraction in imported consumer goods but capital goods as well. The lack of imported inputs made a significant negative impact on domestic production and contributed to output decline. However, beginning with 1991, there were deficits in foreign trade balances because the growth of imports was faster than that of exports.

All CEE countries, Hungary (1990), Poland, Czechia, Slovakia (1991) earlier, Bulgaria (1992) and Romania (1993) later deliberately permitted faster growth of real exchange rates of their national currencies towards US dollar in order to diminish the adverse effects of import contraction on real sectors of the economy. In addition, in 1991–1992, as was mentioned above, Poland re-introduced higher tariffs. Hungary used more non-tariff measures to protect domestic producers.

Why did the Eastern and Central European countries attempt to introduce currency convertibility so fast and in reverse order compared with Western European states?

The main reason was to appeal for trust from foreign countries and investors in their market reforms, to introduce a competitive market environment, to stop dollarization of the economy and to strengthen the national currency. Their task was to create a market economy and not just to liberalize currency controls as it was in the post-war highly industrialized countries. Therefore, internal convertibility was introduced first. Though it was limited only to current account transactions, residents had access to hard currency only to pay for their imports. It was prohibited to take local currency out of the country or to open a foreign currency account abroad.

Nevertheless, fast liberalization of current account controls for residents and non-residents combined with elimination of the state monopoly on foreign trade contributed immensely to the chain reaction of sharp devaluation, inflation and recession. Enterprises did not react to market signals in the way they do under perfect competition. Instead of increased efficiencies they faced a galloping rise in prices and a huge output decline. State interventions and foreign credits were the only instruments to fix the situation.

3. Lessons from market reforms in post- Soviet republics

The experience of post- Soviet republics also shows that it is not technically difficult for the state to introduce currency convertibility immediately and open up the domestic market. Controversies were connected with their impact on the real economy and sustainable human development. The costs of transition in Russia that in 1998 turned into default and financial crisis were very large. Both Russia and Kazakhstan, resource rich countries, have been relying mainly on energy and metals exports that has led to

appreciation of their currencies, reducing the returns to local exporters and domestic import-competing industries in other sectors. It had not been possible to protect by tariffs or quotas because of lengthy borders and inefficient customs. Therefore, on the positive side, the devaluation more effectively protected domestic producers and industries by making imports more expensive. It was less successful in promoting exports, because major exportable commodities had been hard currency denominated before and after devaluation. Besides, the output reversals were accompanied again with increased inflation in Russia, and affected the wellbeing of the people with fixed incomes.

Overall, the situation after the 1998 crisis had started to change for the better in Russia. It was partially connected with Primakov's government that implemented elements of industrial policy and partially with the increase of prices for oil in the world markets beginning with the second half of 1999 and throughout a decade. It was less successful in promoting exports, because major exportable commodities had been hard currency denominated before and after devaluation. Besides, the output reversals were accompanied again with increased inflation in Russia, and affected the wellbeing of the people with fixed incomes. Moreover, due to economic sanctions against Russia and sharp fall of world prices for oil, Russian Ruble was devaluated for two times and Russian Central Bank had to introduce floating exchange rate system in December 2014.

The Central Asian states have chosen more or less similar exchange rates regimes based on managed floating and systems of exchange auctions since the moment of their own currency introduction. However, despite some similarities in initial macroeconomic stabilization procedures and forms of exchange rate regimes, in reality the various countries took two significantly different approaches towards not only the main strategy of market reforms as a whole but also towards currency convertibility as well.

The Central Asian states have been divided into two groups in regards to their exchange rate policies. Kyrgyzstan and Kazakhstan, following the concept of radical "shock therapy" reforms, accepted the conditions of Article VIII of the IMF Charter rather fast – on March 29, 1995 and July 16, 1996 respectively. Tajikistan unified its exchange rate, abolished surrender requirements, and started to follow IMF conditions a several years later. However, radical transition with hasty currency convertibility and extra openness in these countries so far has been too costly, made not only at the expense of the majority of the current population but future generations (with a huge foreign debt and overuse of non-renewable natural resources) as well. It became one of the most significant factors of output decline at the initial stage of transition and their vulnerability to the shocks of global and regional crises of 2008 and 2014 in these respective countries [see, 7 and 8].

Kazakhstan signed article VIII in July 1996 and introduced one of the most radical large privatizations, which attracted the second largest FDI per capita in the FSU (after another oil rich Azerbaijan). But in comparison with China and Hungary, in Kazakhstan FDI was allocated not to labor intensive human resource based enterprises, but to capital intensive natural resources based sectors. It has not improved employment possibilities radically, the chances of sustainable development in manufacturing and agricultural sectors suffered also from greater openness compared to some of its southern neighboring countries.

The second group of countries - Uzbekistan and Turkmenistan, giving clear preference to gradual reforms, took a more cautious position concerning exchange rate policy.

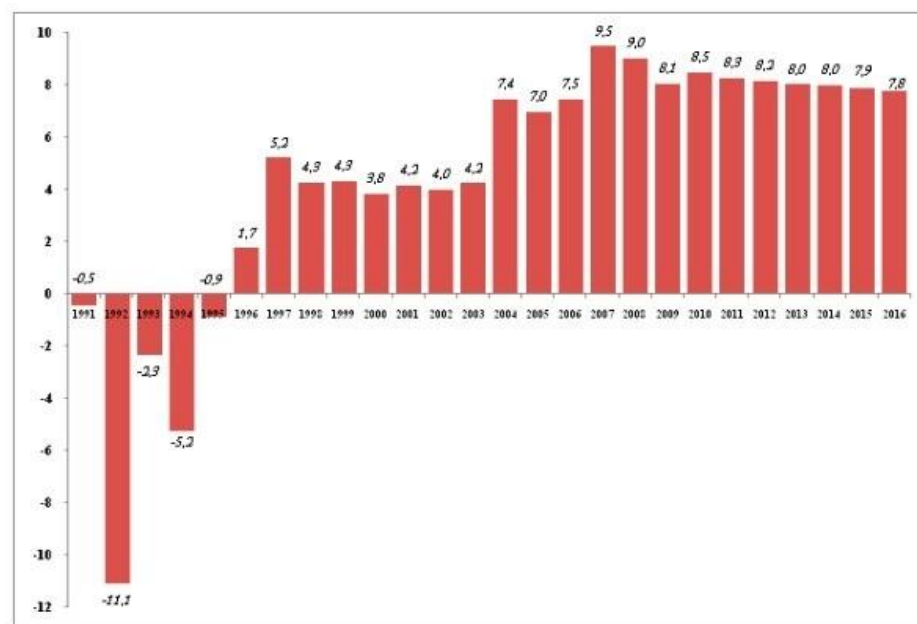
A comparative analysis of the negative effects of the global and regional financial crises on the Central Asian states strongly underlines the necessity of finding a particular mix of state and market coordination, radical and gradual steps related to exchange rate policy in each individual state, implementing anti-crisis measures, whenever they are required.

4. Economic growth and exchange rate liberalization in Uzbekistan

A combination of protectionism with gradual foreign trade and exchange rate liberalizations, which had been implemented in Uzbekistan, resulted in the least output decline during the first years of systemic transformation, faster recovery and economic growth afterwards [see, 7 and 8]. Theoretically and

empirically advantages of gradual transformation were stressed in mid 1990-s by A. Nekipelov and O. Bogomolov [9, 10]. More recently N. and U. Ziyadullaevs also stated that Uzbekistan “from the beginning of 1990-s conducted policy of cautious and gradual approach to economic reforms” [11, 12].

Diagram 1. GDP growth in Uzbekistan, 1991-2016
(in percentage to previous year)



Source: Statistical Committee of Uzbekistan

In the IMF working papers, “the output records of Uzbekistan” achieved within the first decade were considered as “Uzbek growth puzzle” in terms of modest output decline and rather fast recovery even compared with all, including CEE, countries in transition (Taube and Zettelmeyer 1998; J. Zettelmeyer 1998). It was also noted that they presented “a challenge to the standard transition paradigm” (Fisher and Sahay 2000) [13, 14, 15].

Although several other books and papers have been published about the “Uzbek paradox”, “Uzbek Path” compared with other NIS (Pomfret 2007; Gleason 2003) from slightly different positions [16, 17]. Meanwhile alternative explanation of “Uzbek puzzle” given by one of the authors of this paper (Islamov 2001) has been recently backed up by a new data in V. Popov’s articles on “economic miracle in Uzbekistan” (Popov 2013) [18]. The analysis of economic growth and human development in Uzbekistan within the second decade of transformation made by another unbiased economists permitted him again to confirm that “its achievements appeared to remain a frustrating puzzle to many orthodox economists” (McKinley 2010) [19].

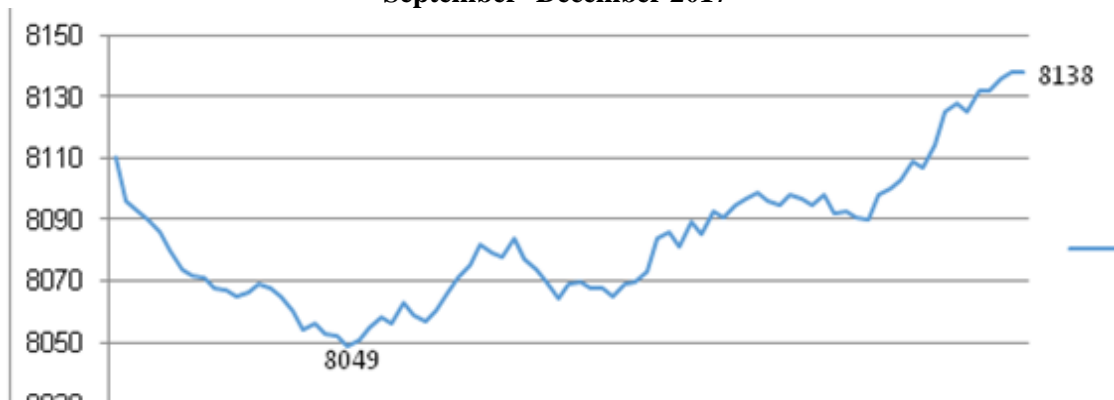
Now, two and half decades after of substantiation of “Uzbek model” (Karimov 1993), perhaps, it is high time to look at “Uzbek puzzle” from this angle and recognize the achievements of Uzbekistan are the result proper implementation of its own model [20].

Actually, a gradual approach to exchange rate and foreign trade liberalization is one of major, in terms of market reforms, distinctions in Uzbekistan from the majority of other FSU states and countries in transition. However, the recent decade developments in all Central Asian states revealed their rather big vulnerability to external shocks, especially reinforced by global and regional financial crises. Moreover, because of changes in investors’ attitudes towards emerging and transitional economies, it became more difficult and costly to attract FDI and loans.

All this contributed to a rapid increase of the spread between the official and curb market exchange rates and a significant acceleration of inflation from the end of 1998 to mid-2000, as well as after 2008

and 2014. By September 1, 2017 the spread between the official and curb market exchange rates in Uzbekistan was more than two times.

Diagram 2. Dynamics of exchange rates sum to dollar, September- December 2017



Source: Central Bank of Uzbekistan

Special presidential decree entitled “Urgent measures on liberalization of the exchange rate policy” was issued on September 2, 2017. It was aimed to provide unification of exchange rates in Uzbekistan. The curb market is to be curbed, within a short period of time using every means (including media, law enforcement) but foremost via liberalization of commercial exchange rates. It has been achieved in one month and kept more or less up to now.

Results

The experience of countries in transition during the first two and half decades confirmed that exchange rate policy is not just a tool for integration into the world market and for the attraction of foreign investment but an important part of the systemic transformation. It also permits us to weight the pros and cons of both the “shock therapy” and gradualist approaches in all spheres. It requires us to search for better strategies, combining the strengths of the state and market, growth and distribution, more openness with a readiness to provide protection against external shocks whenever it will be necessary [21, 22].

In the authors’ opinion, possible areas for further searching for better policies of development, the transition and integration with the global economy, are also linked with deeper learning both from the large positive and recent negative international experiences. The exchange rates reforms according to international experiences requires several steps.

The first step is unification of exchange rates. More measures building confidence in the banking and financial systems, and discouraging capital flight as much as possible are important. So, initial measures need to be resolutely taken provided that internal and external conditions are not unfavorable. “Money overhang” now is to be taken care of by further rigid macroeconomic stabilization, as well as through realistic and transparent privatization proposals open to both domestic and foreign investors.

The second step, after the curb market rate is replaced by a liberalized commercial one with easy access to physical and legal persons. All importers and investors are to be served by commercial banks at market exchange rates.

The third step, is to make currency freely convertible starting with current account transactions, further impediments for exports and imports of goods are gradually to be eliminated and, so-called, “external commodity convertibility” provided.

Finally, without haste though, liberalization of capital accounts. Protection of “infant industries” and other government-sponsored projects is to be provided not by exchange rate mechanisms but by other

trade and financial instruments, i.e., transparent and explicit taxes and subsidies. Soft access to hard currency funds needs to be tightened progressively from the first through all stages of the unification of exchange rates to the achievement of current account convertibility and on.

Conclusions

A favorable external environment (stability in international and regional financial markets, positive dynamics of terms of trade, improved competitiveness in traditional and global markets, attractiveness of the undertaken measures for domestic and foreign investors) is important for the proper timing of such reforms. The official exchange rate under multiple exchange rates is not relevant for determination of market prices of tradable (exportable and importable) goods, as well as creates extra impediments to foreign investors [26].

Thus, the task is to find a particular mix of government and market instruments, efficient and timely further gradual steps related to exchange rate policy in Uzbekistan and implement a comprehensive system that includes not only anti-crisis measures, but motivate consistent improvements of its global competitiveness and become more attractive for investments.

The current liberalization of exchange rates in Uzbekistan envisaged by the Strategy of actions will be successful if proper lessons are drawn from its own and world experiences.

References

1. Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах. Приложение № 1 к Указу Президента Республики Узбекистан от 07.02.2017 г. № УП-4947 // Все законодательство Узбекистана. URL. [https://nrm.uz/contentf?doc=491928_strategiya_deystviy_po_pyati_prioritetnym_napravleniyam_razvitiya_respubliki_uzbekistan_v_2017-2021_godah_\(prilojenie_n_1_k_ukazu_prezidenta_ruz_ot_07_02_2017_g_n_up-4947\)](https://nrm.uz/contentf?doc=491928_strategiya_deystviy_po_pyati_prioritetnym_napravleniyam_razvitiya_respubliki_uzbekistan_v_2017-2021_godah_(prilojenie_n_1_k_ukazu_prezidenta_ruz_ot_07_02_2017_g_n_up-4947)) (дата обращения 01.02.2018 г.)
2. Указ Президента Республики Узбекистан от 2.09.2017 г. №УП-5177 «О первоочередных мерах по либерализации валютной политики» // Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2017, № 36, ст. 945.
3. Постановление Президента Республики Узбекистан от 13.09.2017 г. № ПП-3272 «О мерах по дальнейшему совершенствованию денежно-кредитной политики» // Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2017, № 38, ст. 1030.
4. Mirziyoev Sh. M. (2017) The Decree of the President of Uzbekistan “Strategy of actions along five priority directions of the development of Uzbekistan”. “Narodnoe Slovo”, February 8.
5. Mirziyoev Sh. M. (2017) The Decree of the President of Uzbekistan “Urgent measures on liberalization of the exchange rate policy”. “Narodnoe Slovo”, September 3.
6. Williamson J. (1991) “The Economic Opening of Eastern Europe”, in Currency Convertibility in Eastern Europe, Washington D.C., p. 383
7. Dornbusch et al. (1993), Postwar Economic Reconstruction and Lessons for the East Today, The MIT Press, Cambridge, USA, London, England., pp. X-XI, 173-175, 181.
8. Yingi Qian, (1999), “Institutional Foundations of China’s Market Transition”, World Bank Conference on Development Economics, Washington, D.C., April 28-30., p. 27.
9. Islamov B., Kurbanov D. (2002), «Об опыте экономических реформ в Китае», Экономическое обозрение, № 4-5, 2002, p. 29.
10. Islamov B. (2001), The Central Asian States Ten Years After: How to Overcome Traps of Development, Transformation and Globalization, monograph, Maruzen, Japan, Tokyo.
11. Islamov B., Islamov D. (2014), The Central Asian States 20 Years after: “Puzzles” of Systemic Transformation, in Journal Acta Slavica Yaponica, Tomus 35, SRC, Hokkaido University, Sapporo, Japan, pp. 110-134.
12. Nekipelov A.D. (1996), Ocherki po ekonomike postkommunizma, Moskva.
13. Bogomolov O.T. (1998), Reformy v zerkale mejdunarodnyh sravneniy, Moskva: Ekonomika.

14. Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев У.С. (2017) Экономика и политика пост-социалистических государств: опыт трансформации. (Под ред. чл.-корр. РАН Р.И. Хасбулатова) – М., РЭУ им. Г.В. Плеханова, Вече. – В т. 2, Глава 12. Экономика Республики Узбекистан, с. 357.
15. Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев С.Н. 25 лет трансформации и структурирования постсоветского экономического пространства //Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 6.
16. Taube Gunther and Zettelmeyer Jeromin (1998) “Output Decline and Recovery in Uzbekistan: Past Performance and Future Prospects”, IMF Working Paper, WP/98/132, September, Washington, D.C.
17. Zettelmeyer Jeromin (1998), “The Uzbek Growth Puzzle”, IMF Working Papers, WP/98/133, September, Washington, D.C.
18. Fisher Stanley and Sahay Ratna (2000) “The Transition Economies After Ten Years”, IMF Working Papers, WP/00/30, February, IMF, Washington, D.C.
19. Gleason G. (2003) Markets and Politics in Central Asia. Structural Reform and Political Change, New York, Routledge, USA.
20. Pomfret R. and Anderson K. (1997) “Uzbekistan: Welfare Impact of Slow Transition”, WIDER, Working Papers, United Nations University, June, No. 135.
21. Popov V. (2013). “An Economic Miracle in the Post-Soviet Space: How Uzbekistan Managed to Achieve What No Other Post-Soviet State Has”. PONARS Eurasia working paper.
22. McKinley T. (2010) “The Puzzling Success of Uzbekistan’s Heterodox Development“ Development Viewpoint, Number 44, Center for Development and Policy Research, School for Oriental and African Studies.
23. Karimov I. (1993) Uzbekistan – sobstvennaya model perekhoda na rynochnye otnosheniya, Tashkent.
24. Islamov B., Parpiev Z. (2000) “Challenges of Globalization and Exchange Rate Policies in Central Asian Independent States,” in Hitotsubashi Journal of Economics, Vol. 41# 1, June, pp. 27-52.
25. Abdurakhmanov K., Zakirova N., Islamov B., Hiwatari M. (2016) Systemic Transformation and Sustainable Human Development: Case of Uzbekistan, Monograph, Gunadarma University Press, Jakarta, Indonesia.
26. Tsvetkov V.A., Stepnov I.M., Kovalchuk Yu.A., Zoidov K.Kh. Dynamics of the development of economic systems / Edited by RAS corresponding member V.A. Tsvetkov. - Moscow: CEMI RAS / MEI RAS, 2016. - 380 p.

Либерализация политики обменного курса: международный опыт и уроки для Узбекистана

Б.А. Исламов, д.э.н., профессор
E-mail: bakhtiyor.is@gmail.com

Н.С. Зиядуллаев, д.э.н., профессор
E-mail: nabi926@mail.ru

У.С. Зиядуллаев, к.э.н.
E-mail: uz2005@yandex.ru

Д.Б. Исламов
E-mail: donier.is@mail.ru

Аннотация

Цели/задачи. Анализ опыта зарубежных стран в области либерализации политики обменного курса с целью извлечения необходимых уроков для Узбекистана. **Методология** - сравнительный анализ, методы статистического и экономического анализа, экспертные оценки. **Результаты.** Сравнительный анализ как положительного, так и негативного опыта зарубежных стран, в области либерализации политики обменного курса позволяет извлечь из него определённые уроки. Главный из них: реформы обменных курсов требуют не разовый (единовременный), а поэтапный (поэтапный) подход. 1 - унификация обменных курсов; 2 - свободный доступ к конвертации для физических и юридических лиц в коммерческих

банках по рыночным обменным курсам; 3- свободная конвертация для всех операций по текущим счетам. Заключительный шаг - либерализация операций по капитальным счетам. Важно выбрать наиболее благоприятное время проведения реформ с точки зрения внутренних и внешних условий. Либерализация обменных курсов в Узбекистане, предусмотренная Стратегией действий, будет успешной, если соответствующие уроки из собственного и мирового опыта будут максимально учтены. **Применение.** Результаты могут быть использованы в политике обменного курса Узбекистана путём предложенного пошагового метода от унификации обменного курса к конвертации по текущим операциям и только затем, по мере вызревания необходимых условий, к либерализации операций по капитальным счетам. **Выводы/значимость.** Авторы предлагают свои собственные выводы и подход для решения дилеммы между концепциями «шоковой терапии», которая предлагает начинать реформы с единовременной и полной либерализации обменного курса и мнением, в соответствии с которым эти меры должны «венчать» рыночные реформы. Их суть: не начинать, но и не дожидаться завершения реформ, а найти конкретное сочетание правительственных и рыночных инструментов, эффективных и своевременных постепенных шагов в области либерализации обменного курса, и поэтапно внедрить их в наиболее благоприятных условиях.

Ключевые слова: *международный опыт, либерализация обменного курса, денежно-кредитная политика, либерализация национальной экономики, Республика Узбекистан*

Об авторах

Исламов Бахтиёр Анварович, д.э.н., профессор, Ташкентский филиал РЭУ имени Г.В. Плеханова, Ташкентский государственный экономический университет, Ташкент, Республика Узбекистан.

Зиядуллаев Наби Саидкаримович, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН, Москва.

Зиядуллаев Улугбек Саидкаримович, к.э.н., Ташкентский государственный экономический университет, Ташкент, Республика Узбекистан.

Исламов Дониер Бахтиерович, Финансовый менеджер, ООО «Супер iMax», Ташкент, Республика Узбекистан.

About authors

Islamov Bakhtiyor, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Tashkent Branch of the REU after G.V. Plekhanov and Tashkent State University of Economics.

Ziyadullaev Nabi, Doctor of Sci. (Econ.), Professor, Market Economy Institute RAS, Moscow.

Ziyadullaev Ulugbek, Candidate of Sci. (Econ.), Tashkent State University of Economics, Tashkent.

Islamov Doniyor, Financial Manager, Super iMax LLC, Tashkent.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

УДК 330.341.2: 339.944.2: 339.565
ГРНТИ 06.51.51, 06.71.09

Сопряжение и инновационное развитие транспортно-транзитных систем России и стран Западной и Южной Азии

К.Х. Зоидов, к.ф.-м.н., доцент
E-mail: kobiljonz@mail.ru

А.А. Медков, к.э.н.
E-mail: medkov71@mail.ru

З.К. Зоидов
E-mail: zafar2608@mail.ru

Аннотация

В условиях падения спроса и снижения мировых цен на основные товары российского экспорта возрастает актуальность замены сырьевой ренты на иные виды доходов государственного и региональных бюджетов, хозяйствующих субъектов и населения. Одновременно появились факторы, негативно влияющие на реализацию транспортно-транзитного потенциала России и величину экспорта транспортных услуг, доходы от которого могли бы стать весомым дополнением к поступлениям от поставок углеводородов и других видов сырья на мировые рынки. Сократились возможности государственного финансирования развития и реализации потенциала России как естественного моста между Европой и Азией. Главным фактором смещения мировой транзитной активности в страны постсоветского пространства является формирование и начало реализации широкомасштабного и многоцелевого проекта Китая под названием «Один пояс – один путь» (в настоящее время – «Пояс и путь»). Проект предполагает, в том числе укрепление стратегических, политических, экономических и культурных связей КНР со странами Центральной, Западной и Южной Азии. В статье выдвинута и обоснована концепция глобальной российско-ирано-индийской инициативы «Варяго-Персидский торговый путь XXI века», которая может быть как конкурентом, так и органическим продолжением и дополнением китайского проекта «Пояса и пути». Кроме того, новизна исследования заключается в разработке концептуальных подходов к прогнозированию грузовой базы транзитных перевозок по транспортно-транзитной системе России, основанной на переговорном процессе с основными центрами генерации грузов, и определению доходности функционирования транспортно-транзитных систем в целом.

Статья подготовлена по теме государственного задания, тема «Моделирование социально-экономической динамики и структуры факторов экономического роста ЕАЭС и других стран в контексте модернизации».

Ключевые слова: транспортно-транзитная система, международные транспортные коридоры, современные торговые пути, государственно-частное партнёрство, железнодорожный транспорт, морские порты, циклические процессы, инновация, модернизация

На прошедшем 14-15 мая 2017 г. в КНР форуме «Один пояс – Один путь» Президент РФ В. Путин выдвинул ряд инициатив по сопряжению крупных инфраструктурно-интеграционных проектов, отметив, что «сложение потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, «Один пояс, один путь», Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии способно стать основой для формирования большого евразийского партнёрства».

Актуальность исследования института торгового пути в современном мире обусловлена:

- китайской инициативой «Пояс и путь» (ПиП) по воссозданию инфраструктуры и духа Великого шелкового пути (ВШП);
- альтернативным индийским проектом развития международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг»;

• заинтересованностью многих стран в реализации своих транспортно-транзитных систем (ТТС) как составных частей действующих и создаваемых МТК.

При этом необходимо учитывать, что само по себе развитие ТТС повышает степень открытости внутреннего рынка путем сокращения времени перевозки грузов и пассажиров, улучшения транспортной доступности («смерть расстояний»). Поэтому в национальных программах промышленно-инфраструктурного развития, которые будут сопрягаться с китайской инициативой, необходимо предусмотреть институциональное и организационное оформление развития собственных высокотехнологичных производств.

Проектное наполнение сопряжения ЭПШП и ЕАЭС состоит в:

1. Разработке теории транзитной экономики.
2. Выдвижении совместного глобального инфраструктурно-интеграционного проекта, аналогичного ПиП.
3. Разработке стратегии, бизнес-плана и создание ГЧП-компании в области развития транзитных перевозок грузов и пассажиров – «Российской транспортно-транзитной компании» (РТТК).
4. Участии в реализации стратегических инфраструктурных проектов.

1. Разработка теории транзитной экономики. Транзитная экономика — это хозяйственная система, при которой поступления от пропуска по территории страны энергии, энергоносителей, водных ресурсов, грузо- и пассажиропотоков и оказания услуг по транзитной перевозке составляют весомую часть доходов властей, хозяйствующих субъектов и населения на данной территории, одну из основ их благосостояния.

Уровнями развития транзитной экономики в стране (макрорегионе, городе-государстве, торговой точке), нуждающимся в моделировании являются:

1. Экстерриториальный институциональный транзит.
2. Экстерриториальный реальный транзит (экспорт транспортных услуг).
3. Территориальный (классический) транзит (экспорт транспортных услуг).
4. Резэкспорт.
5. Резэкспорт с созданием добавленной стоимости.
6. Мировозхозяйственный транзит добавленной стоимости на высокотехнологичной основе.

Моделирование торгового пути в части осуществления перевозок железнодорожным транспортом затрудняется по причинам:

- высокой доли и величины условно-постоянных затрат;
- непрозрачности и недостаточной доступности отчетности ОАО «РЖД» и операторов подвижного состава;
- сложности выделения транзитных перевозок в общем объеме экспортно-импортных и внутренних перевозок грузов (даже на уровне одного состава).

2. Выдвижение совместного глобального инфраструктурно-интеграционного проекта, аналогичного ПиП. Настороженное отношение к проекту ПиП самого большого геополитического соперника Китая в регионе – Индии обуславливает возможность и необходимость развития альтернативных торговых путей. Альтернативой является развитие международного транспортного коридора МТК «Север – Юг», который может как дополнять инфраструктурные проекты, реализуемые в рамках ПиП, так и конкурировать с ними.

Индию можно и необходимо привлечь к развитию производственно-транспортных коммуникаций путем разработки совместного глобального инфраструктурно-интеграционного проекта, аналогичного ПиП, особенно в части развития и применения цифровых технологий вдоль создаваемого торгового пути и его экономического пояса.

Геополитическое соперничество Индии и Китая, который в Южной Азии реализует проект Китайско-Пакистанского экономического коридора (рис. 1), может привести к росту усилий индийских властей по привлечению грузов из стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) на направление «Север – Юг». В связи с этим необходимо отметить, что в настоящее время крупные транснациональные корпорации размещают свои производства именно в странах ЮВА (а не в Китае).

Развитие МТК «Север – Юг» имеет особое значение в процессе евразийской интеграции, упрочения связей с Ираном, Индией и Турцией.



Рис.1. Проект строительства железной дороги с рамках Китайско-Пакистанского экономического коридора.

Маршрутами (ветвями) МТК «Север – Юг» на Южном Кавказе и в Центральной Азии являются (рис. 2):

- западная ветвь коридора (прямое железнодорожное сообщение по линии Астрахань – Махачкала – Самур через территорию Азербайджана с выходом на Иран) – строится;
- восточная ветвь коридора (прямое железнодорожное сообщение через территории Казахстана, Узбекистана и Туркменистана с выходом на железнодорожную сеть Ирана через пограничный переход Теджен – Серахс) – действует;
- новая восточная ветвь коридора (прямое железнодорожное сообщение по маршруту Узень (Казахстан) – Кызылкая – Берекет – Этрек (Туркменистан) – Горган (Иран)) – действует;
- транскаспийский железнодорожно-водный маршрут (маршрут по Каспийскому морю через российские порты Астрахань, Оля, Махачкала в порты Ирана) – действует;
- новая западная ветвь транспортного коридора (маршрут с использованием проектируемой железной дороги Иран – Армения и далее через Грузию, Абхазию по берегу Чёрного моря в Россию) – перспективы реализации сомнительны.

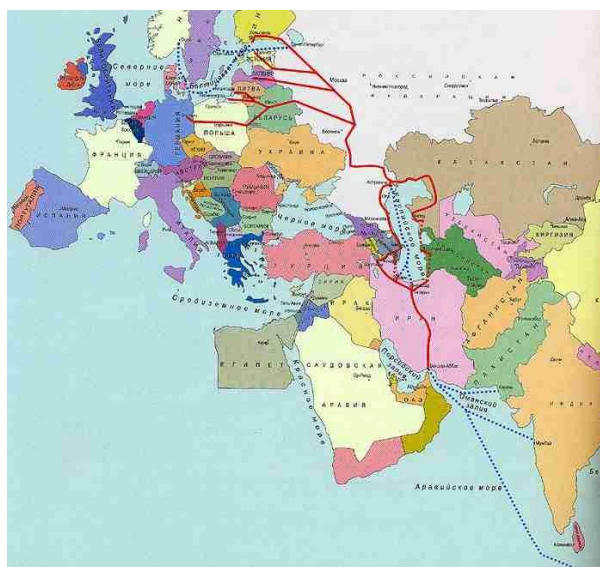


Рис.2. Маршруты МТК «Север – Юг». Источник: http://lmc.com.ua/news/id_5595/.

Благоприятные перспективы развития транспортно-транзитной системы (ТТС) Азербайджана – результат проводимой руководством страны взвешенной внешней и экономической политики. Преимущества использования ТТС этой страны при развитии МТК «Север – Юг» заключаются в следующих её сильных сторонах:

- Азербайджан, в отличие от Армении, имеет прямое железнодорожное сообщение с Россией;
- линии проходят через Дагестан и Чеченскую республику – дотационные регионы, нуждающиеся в ускоренном социально-экономическом развитии;
- страна финансирует и привлекает кредит Азиатского банка развития (АБР) на реконструкцию участка Баку – Ялома – погранпереход Самур на границе с Россией;
- Азербайджан кредитует реализацию инфраструктурных проектов, в частности: строительства железной дороги Баку – Тбилиси – Карс (БТК, завершено), инфраструктуры иранской пограничной станции Астара, участков железной дороги Казвин – Решт – Астара на территории Ирана. Кредитование и финансирование осуществляются за счёт поступлений средств от экспорта углеводородного сырья и оказания транзитных услуг. Например, в случае БТК средства поступили напрямую от государственной нефтяной компании Азербайджана – ГНКАР;
- на территории Азербайджана действуют стимулирующие меры, направленные на развитие транзитных перевозок;
- Азербайджанские железные дороги (АЖД) активно обновляют парк подвижного состава за счёт поступления современной железнодорожной техники;
- примером российско-азербайджанского коммерческого сотрудничества является создание компании «Азрустранс» – совместного предприятия ЗАО «Русагротранс» и «Азербайджанских железных дорог» (АЖД). Оператор будет осуществлять железнодорожные перевозки зерна по транспортному коридору «Север – Юг» в направлении Ирана и восточной Турции.

В сентябре-октябре 2016 г. по МТК «Север – Юг» была организована тестовая перевозка контейнеров по маршруту Индия – Иран – Азербайджан – Россия: порт Нава-Шева – (морская перевозка) – Бендер-Аббас – (железная дорога) – Решт – (автомобильная перевозка) – Астара – (железная дорога) – Ворсино.

Тестовая перевозка выявила следующие слабые стороны маршрута:

- по Ирану груз идет семь суток (как по Транссибу);
- существует необходимость переоформления документов в пути следования;
- предъявляются различные требования к документам в каждой стране следования;
- необходимость осуществлять перегрузку на автомобильный транспорт и его использование.

Последнюю проблему снимет завершение строительства железной дороги Казвин – Решт – Астара (рис. 3).

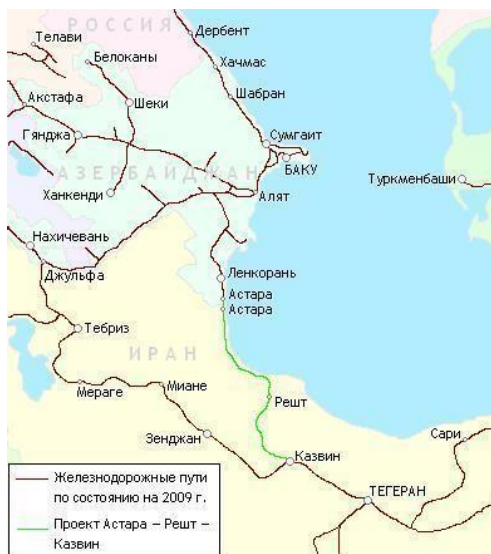


Рис. 3. Строительство железной дороги Казвин – Решт – Астара.

Для наполнения грузопотоками транспортного направления «Север – Юг» его необходимо рассматривать, как комплексную инновационную промышленно-технологическую зону создания добавленной стоимости – российско-ирано-индийский экономический коридор «Варяго-Персидский торговый путь XXI века».

3. Разработка стратегии, бизнес-плана и создание ГЧП-компании в области развития транзитных перевозок грузов и пассажиров «Российской транспортно-транзитной компании» (РТТК). Примером ГЧП в торговле на дальние расстояния служит деятельность крупных квазигосударственных компаний, торговых корпораций (коммерческих ассоциаций) – голландской, британской и французской Ост-Индских компаний, которые обладали целым рядом привилегий, в том числе монопольного характера, а также английской Московской компании.

Российская транспортно-транзитная компания должна стать основным участником реализации программы «Создание инновационного подвижного состава для контейнерных и смешанных перевозок» в рамках национального проекта «Развитие транзитной экономики в России: объединяя Евразию», а также главным заказчиком и эксплуатантом инновационного подвижного состава.

4. Участие в реализации стратегических инфраструктурных проектов. Выделим два проекта строительства:

1. Железнодороги Китай – Кыргызстан – Таджикистан – Афганистан – Иран.
2. Железнодороги Россия – Казахстан – Кыргызстан – Таджикистан – Афганистан – Иран/Пакистан – Индия/Ирак – Сирия.

Это проекты нового строительства, в которых заложен большой потенциал не только повышения экономической эффективности перевозок в направлениях «Восток – Запад» и «Север – Юг», но и решения целого ряда геополитических и военно-стратегических проблем, обеспечения безопасности и стабильного развития беспокойных регионов ЦА, ЗА и ЮА. При этом они будут способствовать улучшению конкурентной среды среди транспортных коридоров Центральной Азии и Южного Кавказа (рис. 4).



Рис.4. Транспортные коридоры в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

Прежде всего, следует выделить железную дорогу **Китай – Кыргызстан – Таджикистан – Афганистан – Иран** (рис. 5) протяженностью около 2 тыс. км., которая на территории Кыргызстана или Таджикистана будет пересекаться с другой упомянутой транспортной коммуникацией.



Рис.5. Проект железной дороги Китай – Кыргызстан – Таджикистан – Афганистан – Иран.

Строительство **железнодорожной России – Казахстан – Кыргызстан – Таджикистан** (рис. 6), проект которой разработан в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), будет способствовать перенаправлению грузопотоков (на территории Кыргызстана или Таджикистана) в страны ЕАЭС.



Рис.6. Проект железной дороги Россия – Казахстан – Кыргызстан – Таджикистан.

Благодаря новой **железнодорожной Хаф (Иран) – Герат (Афганистан)** (рис. 7) Индия, Пакистан и Афганистан будут иметь прямой сухопутный доступ к центрально-азиатскому, европейскому и российскому рынкам, минуя окружные морские маршруты, порты и Суэцкий канал.

Возрождение экономики **Сирии** требует транспортно-коммуникационного обеспечения постконфликтного социально-экономического развития в странах ЗА, а также заключения военно-стратегических и экономических союзов между Россией, ЕАЭС и странами шиитской дуги, прежде всего с Ираном, Ираком и Сирией.



Рис.7. Железная дорога Хаф (Иран) – Герат (Афганистан).

После нормализации военно-политической обстановки ключевую роль в развитии и реализации транспортно-транзитного потенциала Сирии должны сыграть сооружение и организация перевозок грузов по **железной дороге Россия – Азербайджан / (Казахстан – Туркменистан) – Иран – Ирак – Сирия**. При этом особое внимание следует уделить обеспечению безопасности функционирования инфраструктурных объектов с использованием опыта стран – «горячих точек» (например, Пакистана).

Начиная с древних времен и в Средние века, территория современной Сирии имела транзитное значение, была местом соприкосновения торговых потоков, следующих по маршруту Азия – Европа и в обратном направлении. Шелковый путь XXI века должен заканчиваться там, где ему и предписано историей – в Сирии (рис 8).

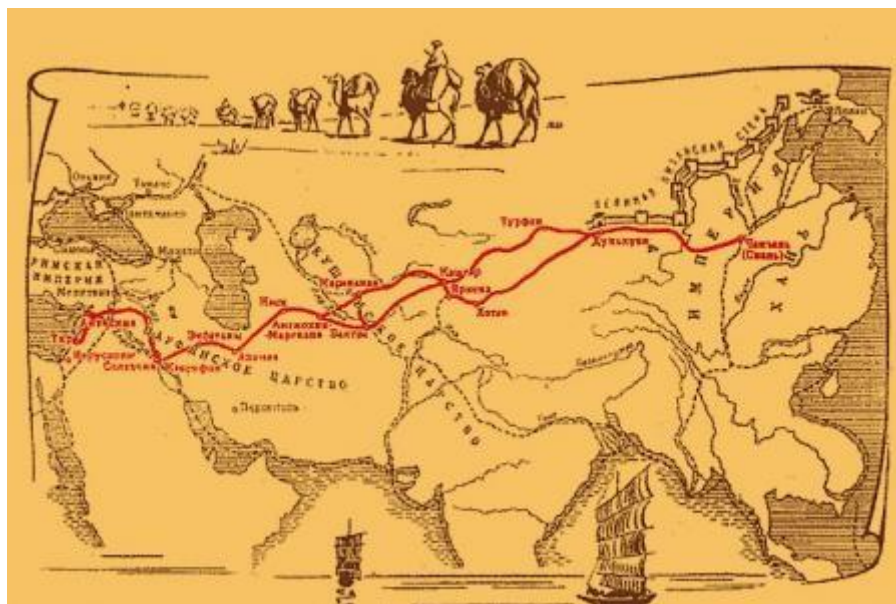


Рис.8. ВШП заканчивался в Леванте (Сирии).

Институциональной основой экономического и политического возрождения Сирии должно стать ее вхождение в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС).

Серьезно пострадавшая от военных действий Сирия планирует расширить свою железнодорожную сеть до Ирака, Ирана, Иордании, Турции и Китая. Пока в приоритете

находится восстановление транспортной инфраструктуры внутри страны (в ходе военных действий было разрушено более 50% автодорог – около 5 тыс. км, более 75% железных дорог – около 2,4 тыс. км).

Модель современного торгового пути является моделью экономического (в смысле – хозяйственного) объекта, где объект моделирования – часть окружающего мира. Паспорт модели должен содержать указание целей и задач, для решения которых строится модель, вопросов, на которые необходимо дать ответ с ее помощью, а также системное описание объекта моделирования. Как отмечает Г. Клейнер, для полного изучения объекта «нужно, чтобы исследователь вызвал в своей собственной душе состояние некоего резонанса с «душой» изучаемого явления» (Клейнер, 2016, с. 589).

Представляется, что «душой» РТТК является полная реализация транспортно-транзитного потенциала России, создание экономических поясов развития на протяжении и в узловых точках торговых путей, открытие новых источников доходов государства, хозяйствующих субъектов и населения.

Моделирование процессов сопряжения и инновационного развития ТТС России и других стран, расположенных в створе МТК «Север – Юг» (МТКСЮ) включает:

1. Формирование понятийной основы модели, выработка содержательных и четких определений понятий «транспортно-транзитная система (ТТС)», «сопряжение», «экономический пояс транспортного объекта», «инновационное развитие ТТС» и др.
2. Определение и прогнозирование основных видов товарных потоков в регионе, формирование грузовой базы направления «Север – Юг».
3. Оценку перспективных объемов перевозок и доходов от реализации инициативы по созданию МТКСЮ с учётом синергетических эффектов.
4. Формирование концепции экономического пояса – «пояса инновационной индустриализации» коридора.
5. Разработку программы ликвидации «барьерных» мест на российском участке МТКСЮ.
6. Создание институционально-организационной основы развития торговых отношений и перевозок грузов.
7. Согласование транспортно-транзитной политики стран, заинтересованных в развитии МТКСЮ.
8. Разработку Концепции российской инфраструктурно-интеграционной инициативы: «Варяго-Персидский торговый путь XXI века» – геоэкономический коридор «Север – Юг».
9. Разработку бизнес-плана и организацию курсирования ускоренного контейнерного поезда «Афанасий Никитин» Россия/Северная Европа – Иран/Индия на регулярной основе.
10. Определение форм предоставления Россией странами-участницами услуг по обеспечению безопасности перевозок грузов по трансграничным маршрутам. Анализ возможности участия в этой деятельности частных вооруженных формирований.

Для наполнения грузопотоками транспортного направления «Север – Юг» его необходимо рассматривать, как комплексную инновационную промышленно-технологическую зону создания добавленной стоимости, т.е. как **российско-ирано-индийский экономический коридор** под названием: «Варяго-Персидский торговый путь XXI века». При выдвижении этой глобальной инициативы необходимо опираться на инновационно-экономические амбиции государств-участников, стремление стать узловыми точками (хабами) международных и региональных ТТС, их внешнеполитические интересы и противоречия. Например, незаинтересованность Индии в экономическом и военно-стратегическом усилении Пакистана приводит к росту интереса индийских инвесторов к порту Чахбехар (Иран). При этом глобальная российско-ирано-индийская инициатива «Варяго-Персидский торговый путь XXI века» может быть как конкурентом, так и органическим продолжением и дополнением китайского проекта «Пояса и пути».

Заключение

На основе концепции системной экономики – нового направления в экономической теории, основанного на представлении экономики как сочетания процессов создания, функционирования, взаимодействия и трансформации экономических систем [14, с. 33], были рассмотрены основные исторические предпосылки, современное состояние и перспективы развития ТТС России и других стран прохождения торгового пути «Север – Юг».

Разработка концепции развития современного торгового пути на принципах системной парадигмы предполагает [9-11, 22-25]:

А. Формулирование и описание «духа» торгового пути посредством обращения к философско-гуманистическим и религиозно-нравственным ценностям.

В. Выявление экономико-географических, производственно-технологических, инфраструктурно-коммуникационных, военно-политических и религиозно-культурных предпосылок развития транзитной экономики в странах прохождения торговых путей, а также причин и факторов выбора и изменения их маршрутов.

С. Выявление исторических предпосылок формирования торговых путей и становления транспортно-транзитных государств, изучение процессов возникновения и развития узловых точек национальных ТТС.

Д. Анализ реального функционирования и программ развития ТТС стран прохождения торгового пути, определение эффективных механизмов сопряжения инфраструктурно-интеграционных инициатив.

Е. Определение и использование синергетического эффекта внутренних, экспортно-импортных и транзитных грузоперевозок.

Ф. Анализ формирования и развития экономического пояса торгового пути.

Г. Установление источников и способов присвоения доходов экономическими субъектами, связанными с функционированием ТТС, оценку уровня доходов государства, хозяйствующих субъектов и населения.

Н. Учет всех видов угроз в целях обеспечения безопасности торгового пути (природно-климатических, техногенных, экономических, политических, военных, диверсионных, криминальных и др.).

И. Разработку концепции создания государственно-частного транспортно-транзитного предприятия (РТТК) и его бизнес-стратегии на основе балансирующего воздействия «давления» – ограничений внешней среды и «приглашения» – появления дополнительных возможностей и альтернатив.

На основе модели траектории транспортно-транзитного развития описываются уравнения инерционной динамики границы транспортно-транзитных зависимостей. Главная особенность предлагаемых методов динамического описания поверхности транспортно-транзитных зависимостей заключается в том, что для описания наблюдаемой траектории и тенденций развития используется аппарат обыкновенных дифференциальных уравнений, локально-аппроксимационных сплайнов, аппарат производственных функций и статистики. Описание динамики поверхности транспортно-транзитных зависимостей, согласованное с тенденциями развития системы, дается на основе использования дифференциальных уравнений в частных производных.

Вообще, транзитная экономика – это экономика высоких (для своего времени) технологий и компетенций. Нельзя не согласиться с профессором А. Масловым, что «нет ничего хуже, чем просто эксплуатировать природный потенциал – географическое расположение или природные ресурсы. ... Главное – создавать производства на территории страны» [20].

Необходимо производить на отечественных предприятиях как можно больше конечной и промежуточной продукции, развивать судостроение, производство подвижного состава, инфраструктурно-строительной техники и материалов, привлекать к созданию транспортных коммуникаций национальные проектные и строительные организации.

Для достижения синергетического эффекта необходимо дополнять транзитные перевозки грузов увеличением несырьевых экспортных поставок, а главное, развитием внутренней торговли на основе укрепления пространственных взаимодействий хозяйствующих субъектов, расположенных в различных регионах России и государствах ЕАЭС.

Литература

1. 25 лет СНГ 1991-2015 гг.: Статистический сборник /МСК СНГ. — М., 2015. — 500 с.
2. Официальный сайт ФСГС. URL: <http://www.gks.ru/>
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т.3. Время мира /Фернан Бродель; Пер. с фр. Л.Е. Куббеля. 2-е изд. М.: Изд-во «Весь мир», 2007. 752 с.
4. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / Предисл. Г.М. Дерлугьяна, пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко, А. Черняева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 552 с.
5. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мир-экономики, 1600-1750 гг. / Пер. с англ., литер. редак. комм. Н.Проценко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 528 с.
6. Валлерстайн Имануил. Миросистемный анализ. Введение. Пер. с англ. / Вступ. Ст. и прил. Г.М. Дерлугьяна. Изд. 2-е испр. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. – 304 с.
7. Домнин С. Как у Пекина за пазухой // «Эксперт Казахстан» №14 (582), 21 августа–3 сентября 2017 г. URL: <http://expertonline.kz/a15043/> (дата обращения: 15.09.2017).
8. Зоидов К.Х. Некоторые задачи идентификации эконометрических зависимостей. – М.: ВЦ РАН, 1999. – 241 с.
9. Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Государственно-частное партнерство – основа стабильности, развития и экономической безопасности транспортно-транзитной системы России. Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ИПР РАН, 2016. – 222 с.
10. Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Развитие транзитной экономики – основа стабильности, безопасности и модернизации России и стран Центральной Азии / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. 339 с.
11. Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Государственно-частное партнерство - основа инновационного развития и безопасности транзитной экономики: Монография / Предисловие и науч. ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветков. - Москва: Экономическое образование, 2017. - 528 с.
12. Качалов Р.М. Управление экономическим риском: теоретические основы и приложения. М.: СПб.: Нестор-История, 2012. 248 с.
13. Качалов Р.М., Яковлева Н.В. Комплексный подход к анализу качества управления социально-экономическим развитием региона // Экономика региона, 2014. № 4 (40). С. 128–141.
14. Клейнер, Г.Б. Экономика. Моделирование. Математика. Избранные труды / Г.Б. Клейнер; Российская академия наук, ЦЭМИ. – М.: ЦЭМИ РАН, 2016. – 856 с.
15. Клейнер Г.Б. Системная модернизация отечественных предприятий: теоретическое обоснование, мотивы, принципы // Экономика региона. 2017. Т. 13, выпуск 1. С. 13–24.
16. Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики, 2002, № 4. С. 4-22.
17. Кулишер М.И. Основные вопросы международной торговой политики / И.М. Кулишер. – М.: Челябинск: Социум, 2016. – 575 с.
18. Макаров В.Л., Кузюк В.А. О динамическом описании производственных возможностей (ДОПВ) / В кн.: Тезисы докладов всесоюзной конференции: Региональные проблемы экономики, организации и управления научно-техническим прогрессом (проблемы экономического моделирования НТП). - М.: ВНИИПОУ ГКНТ СССР, 1986. - С. 25-31.
19. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов //Экономическая наука современной России. 2001. №. 3. С. 24-50.
20. Разумов Я. Другие китайцы. Интервью с руководителем Школы востоковедения НИУ ВШЭ, профессором А. Масловым // «Эксперт Казахстан». №15 (583), 4 сентября–18 сентября 2017 г. URL: <http://expertonline.kz/a15060/> (дата обращения: 14.09.2017).
21. Ростовцев М.И. Караванные города /М.И.Ростовцев/ пер., науч. ред., предисл. К.А. Аветисян. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. – 216 с.
22. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Государственно-частное партнерство при создании совместных предприятий в транспортно-транзитной системе России. Часть I // Экономическая наука современной России. 2016. - № 4(75). С. 79-91.
23. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Государственно-частное партнерство при создании совместных предприятий в транспортно-транзитной системе России. Часть II // Экономическая наука современной России. 2017. - № 1(76). С. 61-74.
24. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Концепция проекта сопряжения инфраструктурно-транспортных и торговых систем России, Ирана, Индии и других государств (варяго-персидский торговый путь XXI века) //Экономика и управление. 2017. № 12(146). С. 17-32.
25. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Формирование эволюционной модели транспортно-транзитной системы России в условиях интеграции и глобализации. – М.: ИПР РАН; СПб.: Нестор-История, 2014. – 800 с.

The conjugation and innovative development of transport and transit systems in Russia and the countries of Western and Southern Asia

Kobiljon Kh. Zoidov, Cand. of Sci. (*Phys. and Math.*), Associate Professor
E-mail: kobiljonz@mail.ru

Alexey A. Medkov, Cand. of Sci. (*Econ.*)
E-mail: medkov71@mail.ru

Zafar K. Zoidov
E-mail: zafar2608@mail.ru

Abstract

In conditions of falling demand and a drop in world prices for the main goods of Russian exports, the urgency of replacing raw rents with other types of income of state and regional budgets, business entities and the population is growing. At the same time, factors appeared that adversely affected the implementation of Russia's transport and transit potential and the value of exports of transport services, the revenues from which could become a significant addition to the proceeds from the supply of hydrocarbons and other raw materials to world markets. The possibilities of state financing for development and realizing the potential of Russia as a natural bridge between Europe and Asia have been reduced. The main factor in the shift of world transit activity to the countries of the post-Soviet space is the formation and implementation of a large-scale and multi-purpose project of China under the title "One belt - one way" (now - "Belt and the Way"). The project includes, among other things, strengthening the strategic, political, economic and cultural ties of the PRC with the countries of Central, Western and South Asia. The concept of the global Russian-Iranian-Indian initiative "Varangian-Persian Trade Route of the 21st Century", which can be both a competitor and an organic continuation and addition of the Chinese project "Belts and Paths", has been put forward and justified. In addition, the novelty of the study is the development of conceptual approaches to the forecasting of the freight base of transit traffic on the Russian transport and transit system, based on the negotiation process with the main centers of cargo generation, and determining the profitability of the functioning of transport and transit systems in general.

Keywords: *transport and transit system, international transport corridors, modern trade routes, public-private partnership, railway transport, seaports, cyclical processes, innovation, modernization*

Об авторах

Зойдов Кобилжон Ходжиевич, к.ф.-м.н., доцент, заведующий лабораторией, Институт проблем рынка РАН, Москва.

Медков Алексей Анатольевич, к.э.н., руководитель Центра, Институт проблем рынка РАН, Москва.

Зойдов Зафар Кобилджонович, научный сотрудник, Институт проблем рынка РАН, Москва.

About the authors

Zoidov Kobilzhon Khodzhevich, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Head of Laboratory, Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

Medkov Alexey Anatol'evich, Candidate of Economic Sciences, Leading Research scientist, head of the Center, Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

Zoidov Zafar Kobilzhonovich, Research Associate, Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

УДК: 339.9 339.5
ГРНТИ 06.51.77

Восстановление Великого шелкового пути

М.М. Зияева, к.э.н.

E-mail: mukhtasar_yuldasheva@mail.ru

Аннотация

Предмет/тема. В статье рассмотрен ряд вопросов, касающихся развития торгово-экономических связей, динамики рыночных услуг, интеграционных связей Великого шелкового пути, а также дальнейшего развития экономического сотрудничества. **Цели/задачи.** Целью работы является исследование, насколько дальнейшее расширение сотрудничества с международными экономическими организациями будет способствовать укреплению авторитета Узбекистана в мировом сообществе и занятию достойного места в ряду развитых демократических государств. **Результаты.** Сделаны выводы о важности создания благоприятных условий для развития сферы услуг страны, увеличения ее доли в экономике, увеличения числа занятых в отраслях сферы услуг и роста на этой основе доходов, дальнейшего развития инфраструктуры маркетинга и менеджмента в качестве важного фактора улучшения качества услуг и изучения рыночных отношений в целях наполнения потребительского рынка современными, высококачественными и разнообразными видами услуг, а также о необходимости дальнейшего развития отношений, в частности, экономического сотрудничества с Китаем. **Выводы/значимость.** Обоснована важность восстановления Великого шелкового пути для укрепления суверенитета республики Узбекистан, преодоления экономических трудностей, улучшения жизни ее народа, а также целесообразность применения мер по защите частной собственности, финансового рынка, модернизации сельского хозяйства, развитию ювелирной отрасли, подготовке к первичному размещению акций (ИРО) отдельных национальных предприятий на зарубежных авторитетных фондовых биржах. **Применение.** Предлагаемые в работе концептуальные положения по восстановлению Великого шелкового пути будут способствовать вхождению Республики Узбекистан в мировое сообщество, определять направления и приоритеты межгосударственных отношений.

Ключевые слова: *торгово-экономические отношения, рынок услуг, экономическое сотрудничество, внешняя торговля, интеграционные связи, развитие независимого Узбекистана, макроэкономические показатели, стратегическое партнёрство, торговля, развитие экономики*

Введение

Обретение Узбекистаном государственной независимости открыло перед ним широкие возможности самостоятельно проводить свою внешнюю политику, вырабатывать собственные пути вхождения в мировое сообщество, определять направления и приоритеты межгосударственных отношений. Укрепление суверенитета, преодоление экономических трудностей, улучшение жизни своего народа требует от каждого государства осуществления активной многосторонней внешней политики. Являясь частью мирового сообщества, Узбекистан должен учитывать соотношение сил на международной арене. Самой историей предопределено что Узбекистан находится на перекрёстке узловых дорог Центральной Азии. Это позволяет выдвинуть в качестве стратегической перспективы внешней политики республики налаживание евразийского политического, экономического и культурного моста, аналога Великого шелкового пути.

Узбекистан как наиболее многочисленная, социально-экономическая развитая страна в регионе, располагающая огромным интеллектуальным, духовным и культурным потенциалом, служит сегодня связующим звеном между сопредельными странами. Вот почему Узбекистан имеет все возможности для того, чтобы играть заметную роль в процессах обеспечения равновесия и баланса сил, создания прочной основы для сотрудничества в этом стратегическом важном регионе, который по своим реальным потенциальным ресурсам сегодня приобретает особую значимость на политической и экономической карте мира.

«Считаю, что нашим общим приоритетом должно стать создание по линии “Экономического пояса шелкового пути” интегрированных промышленных технопарков, научно-инновационных кластеров и свободных экономических зон. В этих целях мы предлагаем совместно выработать эффективные механизмы продвижения таких проектов», — отметил Президент Республики Узбекистана Ш.М. Мирзиёев [1]. И как отметил Президент Ш.М. Мирзиёев, разветвленная сеть транспортных коридоров «Одного пояса, одного пути» должна быть интегрированной и должна включить железнодорожную магистраль «Китай-Кыргызстан-Узбекистан-Афганистан» с выходом на порты Пакистана и Ирана в Индийском океане.

Одной из наиболее перспективных сфер для развития сотрудничества на первом этапе является сектор услуг. В последние годы в Узбекистане были приняты последовательные меры по развитию сектора услуг. Структура рынка услуг улучшается благодаря маркетинговым исследованиям новых перспективных видов услуг.

Исходя из этого становится очевидным, что руководители Евразийских стран начинают задумываться о развитии экономических потенциалов, которые не были задействованы из-за различных политических устоев. В связи с этим вполне логично ожидать в скором будущем бурного роста кооперации в реализации стратегических проектов и роста экспорта услуг на межрегиональном уровне. Хотя, учитывая глобальную значимость региона, каким путём пойдёт развитие этих стран, во многом будет зависеть от соотношения сил на мировой арене.

Развитие независимого Узбекистана

В первые годы независимости Узбекистана была создана правовая база, необходимая для разработки самостоятельной внешней политики страны. В первую очередь, правовые основы внешней политики республики нашли своё отражение в Конституции Республики Узбекистан. Кроме того, был принят целый пакет законодательных актов и указов Президента, направленных на расширение внешних связей, либерализацию внешнеэкономической деятельности. В частности, это Законы «Об основных принципах внешней политики», «О внешнеэкономической деятельности», «О мерах по стимулированию внешнеэкономической деятельности, привлечению и защите иностранных инвестиций в Республику», «Об образовании Национального банка внешнеэкономической деятельности».

Учитывая существующую многополярность политических интересов глобальных и региональных стран лидеров, в основу формирования внешнеполитических и внешнеэкономических связей Узбекистана были положены следующие принципы:

- -всемерный учёт взаимных интересов при верховенстве своих национально-государственных интересов;
- -укрепление мира и безопасности, урегулирование конфликтов мирным путём, отказ от применения силы и угрозы её применения при решении спорных вопросов;
- -равноправие, взаимная выгода и невмешательство во внутренние дела других стран;
- -принцип открытости во внешней политике вне зависимости от идеологических воззрений;
- -признание приоритета норм международного права перед внутригосударственным;
- -установление и развитие двухсторонних и многосторонних связей.

В результате обеспечения длительной политической стабильности и приверженности обще-этическим принципам в вопросах внешней политики, несмотря на экономические проблемы, Узбекистан смог достичь мирового признания на политической арене как региональный лидер. В связи с этим интерес к Узбекистану со стороны международных финансовых институтов был во многом связан с геополитическими интересами различных игроков на международной арене. И одними из наименее политизированными в интересах считаются страны Юго-Восточной Азии и Европы.

С утверждением государственной независимости Узбекистан получил возможность устанавливать прямые контакты с близкими по духу, вероисповеданию, обычаям, азиатскими странами мира. Сотрудничество с этими государствами позволяет республике войти в систему мировых экономических и политических связей на принципах равного партнёрства и взаимного уважения. Этим объясняется развитие многосторонних связей с такими странами как Турция, Иран, Саудовская Аравия, Египет, Индия, Пакистан, со странами Ближнего Востока. В феврале

1992 г. Узбекистан стал членом Организации экономического сотрудничества, объединяющей Пакистан, Иран и Турцию. 10 мая 1992 г. в Ашхабаде состоялась встреча глав государств Узбекистана, Казахстана, Киргизии, Туркмении, Ирана, Турции и Пакистана. На этой встрече было принято решение о строительстве железной дороги Теджен – Серахс-Мешхед, а уже 12 мая 1996 г. состоялось торжественное открытие этой магистрали. Эта железная дорога протяжённостью 295 км, являясь частью трансазиатской железной дороги Стамбул-Пекин, обеспечивает развитие экономических, торговых и культурных связей между странами Европы и Азии. Ввод в действие этой магистрали обеспечивает Узбекистану увеличение экспорта своей продукции на мировой рынок. В настоящее время рассматривается вопрос о проектировании и строительстве автомобильной дороги Стамбул – Тегеран – Исламабад – Ашхабад – Ташкент - Бишкек - Иркиштым. Ещё одним важным направлением внешней политики Узбекистана является налаживание равноправных отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона - Китаем, Южной Кореей, Японией, Малайзией, Индонезией и др. Плодотворное экономическое сотрудничество с этими государствами способствует экономическому развитию Узбекистана.

Развиваются интеграционные и экономические связи между Республикой Узбекистан и Европейскими Сообществами, в частности, за период 1992—2015 гг. были реализованы проекты на 721,4 миллиона евро. До 2020 г. в рамках финансовой и технической помощи с целью развития сельской местности Евросоюз планирует воплотить в жизнь ряд инициатив в переработке продовольственной продукции, системе водоснабжения и орошения, фермерских хозяйствах, энергетике. Для этого первоначально будет выделено 168 миллионов евро.

Основным фактором, привлекающим иностранных партнёров в Узбекистан, является стабильность в обществе и предсказуемость политики государства.

За счёт международного сотрудничества Узбекистан смог достичь разительных перемен в динамике и структуре экономики, развитии производственного и экспортного потенциала, социальной сфере, уровне и качестве жизни населения. Рост ВВП составил 7,8 процента, объёмов производства промышленной продукции, сельского хозяйства – на 6,6 процента, соответственно. Кроме того, реальные совокупные доходы на душу населения выросли на 11 процентов, среднемесячная заработная плата работников бюджетных организаций, размеры пенсий, социальных пособий и стипендий – на 15 процентов, соответственно. В результате последовательного осуществления структурных преобразований в годы независимости Узбекистан из страны с однобокой, преимущественно сырьевой и сельскохозяйственно-направленной экономикой превратился в государство с диверсифицированной структурой производства, где ведущая роль отводится современному индустриальному сектору экономики, ускоренному развитию высокотехнологичных отраслей и сферы услуг. Это наглядно демонстрирует нижеприведённая таблица.

Таблица 1

**Динамика основных макроэкономических показателей экономики
Республики Узбекистан (в % к предыдущему году)**

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ВВП, млрд. сум	108,3	108,2	108,0	108,0	107,9	107,8
Промышленная продукция, млрд. сум	106	108	110	108	107,9	106,2
С/х продукция, млрд. сум	107	107	107	107	106,8	106,6
Инвестиции в основной капитал	104	113	112	110	108,5	107,7
Перевозки грузов	108	104	105	105	105	105
Розничная торговля	117	114	113	113	115	114
Индексы цен производителей промышленных товаров	120	115	112	114

Источник: Данные Государственного Комитета РУ по статистике.

За этот период в структуре ВВП доля промышленности возросла с 17 до 24 процентов, доля услуг — с 34 до 49 процентов. Созданы новые отрасли экономики — автомобилестроение, нефтегазохимическая, фармацевтическая, современные пищевая и текстильная промышленности. Наряду с этим были достигнуты зерновая независимость и рост совокупных объемов сельскохозяйственного производства в 1,8 раза. В результате за годы независимости при обеспечении стабильного производства хлопка в структуре сельскохозяйственного производства доля хлопка-сырца сократилась с 47,7 до 11,1 процента, а объем производства зерновых культур вырос в 3,7 раза, мяса — в 1,9 раза.

В Узбекистане велики и многообразны природные ресурсы, которые создают благоприятные условия для развития экономики. Их важнейшими слагаемыми являются в индустрии крупные запасы полезных ископаемых (более 2700 месторождений и перспективных проявлений примерно 100 видов минерального сырья), в сельском хозяйстве — обширные массивы плодородных земель, пастбищ, обилие солнечного тепла и света, немалые водные ресурсы. Узбекистан входит в число мировых лидеров по обеспеченности запасами серебра, вольфрама и фосфоритов, калийной соли, редкоземельных металлов и других ценных минералов, в частности, по разведанным запасам золота на четвертом месте, урана — седьмом, молибдена — восьмом, по подтвержденным запасам меди — на 10-м, природного газа — 14-м месте в мире. По площади искусственно орошаемых земель страна на 11-м месте в мире; по добыче кадмия — на третьем, урана — шестом, золота и природного газа — восьмом месте, является также одной из 15 крупнейших на планете стран по добыче молибдена, полевого шпата и ряда других видов промышленного сырья. По производству каракуля Узбекистан на втором, хлопка — пятом, шелка-сырца — шестом месте в мире. Он также во второй десятке стран, лидирующих по выпуску серной кислоты, азотных удобрений, минеральных смазочных масел и парафина, хлопчатобумажной пряжи и тканей, томатной пасты, сухофруктов, сбора бахчевых и винограда, настригу шерсти, по грузообороту железнодорожного транспорта. Важное место в экспорте страны занимают хлопок и уран (второе и третье место в мире, соответственно).

В этой связи поставлена целевая задача - не менее чем в 2 раза увеличить к 2030 г. объем валового внутреннего продукта страны. За счет кардинальных структурных преобразований будет обеспечен ускоренный рост промышленности и будет доведена ее доля в ВВП до 40% против 33,5% в 2015 г., а доля сельского хозяйства снижена с 16,6% до 8-10%, сокращена энергоёмкость ВВП примерно в 2 раза в результате широкого внедрения современных энергосберегающих технологий. Как показывают расчеты, в результате выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью объемы производства нефтегазохимической продукции могут быть увеличены с освоением новых ее видов к 2030 г. в 3,2 раза, изделий из цветных металлов — в 2,2 раза, продукции химической промышленности, включая минеральные удобрения, — в 3,2 раза. Намечается также осуществление углубленной переработки хлопкового волокна, фруктов и овощей по современным технологиям. Это позволит увеличить к 2030 г. объемы производства востребованной на внешнем и внутреннем рынке экологически чистой готовой продукции текстильной и легкой промышленности в 5,6 раза, плодоовощной продукции — в 5,7 раза.

В перспективе неуклонное продолжение начатых с первых дней независимости системных рыночных реформ и модернизации производства, глубоких структурных преобразований в экономике, прежде всего, в промышленности и сельском хозяйстве, обеспечения защиты частной собственности, предпринимательства и малого бизнеса, макроэкономической сбалансированности, являются важнейшими приоритетами экономической программы нашей страны на 2030 г. и на ближайший период. Реализация этих мер позволит не только достойно противостоять вызовам и угрозам продолжающийся мирового финансово-экономического кризиса, предотвратить его негативное влияние на нашу экономику, но и выйти после его завершения еще с более сильной, устойчивой, сбалансированной экономикой, занять свою прочную нишу на мировых рынках, обеспечить на этой основе динамичный экономический рост, последовательное решение задач по дальнейшему повышению уровня жизни и благосостояния нашего населения.

Развитие сферы услуг в Узбекистане

Узбекистан придаёт огромное значение развитию сферы услуг при переходе к рыночной экономике. Причиной тому являются ограниченные возможности промышленности и сельского хозяйства в обеспечении занятости работоспособного населения. В связи с этим за годы независимости в Республике были проведены радикальные реформы в сфере услуг.

Развитие и либерализация экономики предусматривали переориентацию промышленного и сельскохозяйственного производства на рыночные условия, что естественно должно было повлечь сокращение крупных предприятий, не приспособленных к рыночным условиям, увеличение структурной безработицы и снижение налоговых поступлений, что сильно повысило давление на бюджет страны. Поэтому в целях поддержания стабильности национальной валюты и цен, поэтапного внедрения современных рыночных механизмов валютного регулирования, расширения доходной базы местных бюджетов государство последовательно улучшало условия для развития сферы услуг в республике.

Так, принятие целенаправленных мер по развитию сферы услуг способствовало расширению внешнеэкономических связей, внедрению современных технологий для производства экспорто-ориентированной продукции и материалов, развитию транспортно-логистической инфраструктуры, повышению инвестиционной привлекательности для развития предпринимательства и иностранных инвесторов, улучшению налогового администрирования, внедрению современных принципов и механизмов регулирования банковской деятельности, развитию многопрофильных фермерских хозяйств, а также ускоренному развитию индустрии туризма.

С точки зрения актуальности этих проблем, одной из приоритетных задач являются создание благоприятных условий для развития сферы услуг страны, увеличение ее доли в экономике, увеличение числа занятых в отраслях сферы услуг и рост на этой основе доходов, дальнейшее развитие инфраструктуры маркетинга и менеджмента в качестве важного фактора улучшения качества услуг и изучения рыночных отношений в целях наполнения потребительского рынка современными, высококачественными и разнообразными видами услуг [5].

Динамика основных показателей сферы услуг в Республике Узбекистан на 2016-2020 гг.

(в % к предыдущему году)

№	Наименование услуг	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2020 г. в % к 2015 г.
	Доля услуг в ВВП (%)	47,5	47,8	48,2	48,5	48,7	
	Республика Узбекистан	111,2	111,6	112,2	112,8	113,3	в 1,8 раза
	<i>в том числе:</i>						
1.	услуги связи и информатизации	119,6	121,8	123,8	125,9	127,8	в 2,9 раза
2.	финансовые услуги	112,2	112,4	112,5	112,7	113,0	в 1,8 раза
3.	транспортные услуги	107,0	107,5	108,2	108,9	109,4	в 1,5 раза
3.1	в том числе услуги автотранспорта	108,0	108,2	108,4	109,0	109,5	в 1,5 раза
4.	услуги проживания и питания	111,5	111,8	112,1	112,4	112,7	в 1,8 раза
5.	услуги торговли	110,0	110,2	110,5	110,8	111,0	в 1,6 раза
6.	услуги, связанные с недвижимым имуществом	107,0	107,8	108,6	109,4	110,0	в 1,5 раза
7.	услуги в сфере образования	108,3	108,3	108,9	109,5	110,0	в 1,5 раза
8.	услуги в сфере здравоохранения	113,7	113,7	113,8	113,8	114,0	в 1,9 раза
9.	услуги аренды и проката	112,0	112,2	112,3	112,5	112,8	в 1,8 раза
10	услуги по ремонту компьютеров и бытовых товаров	110,0	110,2	110,5	110,8	111,0	в 1,6 раза
11	индивидуальные услуги	110,0	110,6	110,9	111,2	111,5	в 1,7 раза
12	услуги в области архитектуры, инженерных изысканий, технических испытаний и анализа	111,5	111,6	111,7	111,8	111,9	в 1,7 раза
13	прочие услуги	111,5	111,8	112,1	112,4	112,7	в 1,8 раза

Источник: Данные Государственного Комитета РУ по статистике.

Данное направление включает также меры по защите частной собственности, финансово-го рынка, модернизации сельского хозяйства, по развитию ювелирной отрасли, подготовке к первичному размещению акций (ИПО) отдельных национальных предприятий на зарубежных авторитетных фондовых биржах.

В 2017-2021 гг. планируется реализовать отраслевые программы, предусматривающие в общей сложности 649 инвестиционных проектов на сумму 40 миллиардов долларов США. В результате в последующие 5 лет производство промышленных товаров увеличится в 1,5 раза, его доля в ВВП — с 33,6 процента до 36 процентов, доля перерабатывающей отрасли — с 80 до 85 процентов [5].

В частности, объем рынка услуг в ВВП Республики Узбекистан в 2017 г. составил на 47,8% больше в сравнении с аналогичным периодом прошлого года.

В структуре рыночных услуг наибольшую долю составили транспортные услуги (включая логистику) – 107,5 % всех услуг. Среди услуг, которые вносят значительный вклад, можно выделить следующее: торговля и общественное питание (110,2 %), финансовые услуги (112,4 %), строительные услуги (111,6 %), услуги связи и информации (121,8 %).

Следующие виды услуг показали высокие темпы роста: финансовые услуги – 112,4 %, здравоохранение – 113,7 %, услуги в сфере здравоохранения – 113,7 %, техническое обслуживание и ремонт – 111,6 %, услуги связи и информации – 119,6 %.

Развитие стратегического партнёрства Узбекистана и Китая

Отношения между узбекским и китайским народами тесно связаны с историей Великого шелкового пути, наши национальные ценности и традиции внесли огромный вклад в развитие мировой культуры, а торговые отношения преподнесли народам мира редкие предметы своего времени. Чай, хлопок, шелк, бумага – только малая часть изделий, которые сегодня стали насущной потребностью человеческой жизни.

Рассматривая этапы развития торгово-экономических отношений между независимым Узбекистаном и Китаем, развитие торгово-экономических отношений между двумя странами можно разделить на четыре важных этапа:

Первый этап - 1992-1996 гг. После обретения независимости Узбекистана в результате усилий Президента Узбекистана Ислама Каримова дружеские отношения между двумя странами поднялись на новый уровень. Основной причиной их развития на первом этапе торгово-экономических отношений между Узбекистаном и Китаем стало то, что в 1993 году были подписаны соглашения между Узбекистаном и Китаем, а также, в соответствии с соглашениями, достигнутыми во время официального визита Каримова в Китай в 1993 г., во всех сферах было налажено экономическое сотрудничество.

Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 1994 г. «Об установлении узбекско-китайского экономического сотрудничества» имело особое значение для дальнейшего укрепления и развития торгово-экономических отношений между двумя странами. Для дальнейшего развития экономического сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Республикой Узбекистан были подписаны следующие документы:

- - сотрудничество в торговле и экономике;
- - сотрудничество в области инвестиций;
- - сотрудничество на транспорте;
- - сотрудничество в области сельского хозяйства;
- - сотрудничество в области коммуникации;
- - сотрудничество в топливно-энергетическом комплексе, нефтегазовом секторе.

Все эти документы положены в основу развития двусторонних межправительственных отношений между Узбекистаном и Китаем.

Второй этап - 1997-2005 гг. Несмотря на наличие ряда межправительственных соглашений, на проблемы в платёжном балансе стран, а также как следствие Азиатского кризиса 1997-1998 гг., в этот период наблюдался заметный спад в товарообороте между двумя странами. Во время официального визита первый Президент Республики Узбекистан И. Каримов в Китай 8-10 ноября 1999 г. отметил существенное снижение товарооборота между двумя стра-

нами и необходимость его восстановления. По итогам визита были подписаны многочисленные соглашения в сфере экономического сотрудничества между двумя странами, что дало новый импульс для последующего развития.

Третий этап включает 2006-2012 гг. Визит министра финансов Китая в Узбекистан в 2006 году внес значительный вклад в дальнейшее развитие финансово-экономических отношений между двумя странами. В ходе визита Министра финансов Китая были проведены несколько встреч в Министерстве финансов Республики Узбекистан, Центральном банке и Министерстве внешних экономических связей Республики Узбекистан, по итогам которых подписаны ряд двусторонних соглашений о сотрудничестве в области экономики.

Четвёртый этап начался с 2013 г. В 2013 г. в ходе государственного визита в Республику Узбекистан председателя КНР Си Цзиньпина были подписаны договор о дружбе и сотрудничестве, Совместная декларация о дальнейшем углублении и развитии двустороннего стратегического сотрудничества, а также утверждена Программа развития стратегического партнерства на 2014-2018 гг. Документы укрепили договорно-правовую основу стратегического партнерства.

Государственный визит первого президента Узбекистана Ислама Каримова в КНР в 2014 году придал новый импульс развитию отношений и практического сотрудничества.

Свидетельством высокого уровня взаимодействия двух стран на международной арене стало плодотворное сотрудничество Узбекистана и Китая в подготовке и проведении состоявшегося в июне 2016 года саммита Шанхайской организации сотрудничества в Ташкенте. Помощник министра иностранных дел КНР Ли Хуэйлай отметил, что сотрудничество между Китаем и Узбекистаном вступило в золотой период стремительного развития [4].

Так, по итогам официального визита Президента Республики Узбекистан в Китай в мае этого года Шавкат Мирзиёев и Си Цзиньпин подписали Совместное заявление Республики Узбекистан и Китайской Народной Республики. Был подписан ряд таких важных документов, как межправительственные соглашения о техническом сотрудничестве, международном автомобильном сообщении, состоялся обмен межправительственными нотами о финансировании проектов по повышению качества образования в общеобразовательных школах, оснащению сферы здравоохранения современным медоборудованием, а также подписаны Меморандум о взаимопонимании в сфере ветеринарии и карантина инспекции растений, Меморандум о взаимопонимании по стимулированию сотрудничества между субъектами малого бизнеса и частного предпринимательства, план сотрудничества в межведомственном обмене в сфере сельского хозяйства на 2018-2020 гг. [6].

В ходе визита в рамках международного форума «Один пояс, один путь» деловыми кругами двух стран заключены пакет контрактов и соглашений торгово-экономического, инвестиционного и финансового характера на сумму 20 млрд долларов.

Всё это служит доказательством последовательности партнерских отношений между двумя странами. Отношения между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой стремительно развиваются во всех сферах. Объем взаимной торговли увеличивается из года в год, а структура экспорта и импорта расширяется. В то время как по итогам 2016 г. размер товарооборота между двумя странами превысил 4,2 млрд. долларов США, то до 2020 г. Узбекистан и Китай намерены довести объемы двусторонней торговли до 10 млрд. долларов [7].

Одна из основных частей внешней торговли Узбекистана приходится на долю Китая. Десятилетия назад положительное сальдо было на стороне Китая, а в настоящее время положительное сальдо у Узбекистана.

Понятно, что с экономической точки зрения сам Китай также заинтересован в сотрудничестве с Узбекистаном. Признано, что территория Узбекистана имеет стратегическое значение для Китая.

Торгово-экономические отношения между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой развиваются на основе двусторонних и многосторонних соглашений. При этом особое значение имеют отношения в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

На увеличение объемов товарооборота между двумя странами влияет целый ряд следующих положительных факторов:

- -во-первых, увеличивается количество совместных предприятий двух стран;
- -во-вторых, следует отметить ряд мер, принятых нашим правительством по дальнейшему развитию экономического сотрудничества с Китаем.

Правительство Республики Узбекистан надеется на дальнейшее развитие отношений, в частности, экономического сотрудничества с Китаем, потому что Узбекистан имеет много экономических интересов, связанных с Китаем, в том числе:

- -узбекские бизнесмены и конкурентные компании могут создавать совместные предприятия на взаимовыгодной основе для производства различных современных и экспортоориентированных продуктов с китайскими деловыми партнерами;
- -наша страна может увеличить импорт из Китая не производимую в нашей стране современную электронную продукцию, телерадиоаппаратуру и цитрусовые (поскольку цены на многие китайские сельскохозяйственные продукты даже после импорта на различные внутренние рынки нашей страны ниже, чем стоимость нашей собственной сельскохозяйственной продукции. В качестве примера можно принести яблоки, груши, чеснок, лук);
- -наличие в нашей стране доисламских и исламских архитектурных ансамблей может послужить расширению сотрудничества с Китаем в сфере туризма;
- -мы можем обучать китайских студентов в престижных высших учебных заведениях нашей страны, что будет способствовать обогащению валютного бюджета страны;
- -имеется возможность экспортирования в Китай целого ряда готовой продукции и сырьевых материалов, включая продовольственную и сельскохозяйственную продукцию, хлопок и товары народного потребления;
- -расширение сотрудничества между двумя странами в топливно-энергетическом секторе и увеличение числа совместных предприятий в этой области может содействовать развитию нашей национальной экономики;
- -как было упомянуто выше, для эффективного использования китайского капитала целесообразно также разработать программу по привлечению инвестиций в различные сектора страны.

В целом дальнейшее расширение сотрудничества с международными экономическими организациями будет способствовать укреплению авторитета Узбекистана в мировом сообществе и занятию достойного места в ряду развитых демократических государств. Активная деятельность Республики Узбекистан как суверенного государства по формированию открытой рыночной экономики послужит основой для ее интегрирования в мировое экономическое сообщество.

Литература

1. Доклад Президента Республики Узбекистана Ш. Мирзиёева в проекте «Пояса и пути». Газета "Gazeta.uz", 15 мая 2017 г.
2. Зиядуллаев Н.С. Экономическое взаимодействие Российской Федерации и Республики Узбекистан //Экономист. 2016. № 4. С. 90-96.
3. Зиядуллаев С.Н., Зиядуллаев Н.С. Евразийский экономический союз: испытание временем //Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 70-83.
4. Основные тенденции и показатели экономического и социального развития Республики Узбекистан за годы независимости (2016-2020 гг.) и 58 прогнозов на 2011-2015 гг. / Статистический сборник. ИПТД «Узбекистан», 2016.
5. Узбекистан и Китай: 25 лет дипломатическим отношениям. <http://ru.sputniknews-uz.com/society/20170111/4571072/kitay-uzbekistan-25-let.html>
6. <https://www.gazeta.uz>
7. <http://www.uza.uz>
8. <http://www.statistics.uz>
9. Ziyayeva M.M. Modern trends in the development of the service market in Uzbekistan/ Intern. Journal of Research/ Vol. 05. Issue 12. April 2018. <https://edupediapublications.org/journals>

Restoration of the Great Silk Way

Mukhtasar M. Ziyayeva, Candidate of Sci. (Econ.)

E-mail: *mukhtasar_yuldasheva@mail.ru*

Abstract

Subject/ topic. In this scientific article describes a number of measures for the development of trade and economic relations the dynamics of market services, the integration ties of the Great Silk Road, as well as the further development of economic cooperation between the two countries.

Goals/ Objectives. The purpose of work is to investigate how further expansion of cooperation with the international economic organizations will promote strengthening of the authority of Uzbekistan on the world community and occupation of the worthy place among the developed democratic states. **Results.** Conclusions are drawn on the importance of creating favorable conditions for the development of the country's services sector, increasing its share in the economy, increasing the number of people employed in the service sector and increasing revenues on this basis, further developing the marketing and management infrastructure as an important factor in improving the quality of services and studying market relations in for further development of relations, in particular, economic order to fill the consumer market with modern, high-quality and diverse types of services. And also about the need cooperation with China. **Conclusion / relevance.** Importance of restoration of the Great Silk way for strengthening of sovereignty of the Republic of Uzbekistan, overcoming economic difficulties, improvement of life of the people is proved. And also expediency of application of measures for protection of a private ownership, the financial market, modernization of agricultural industry, to development of jewelry branch, preparation for initial public offering (IPO) of the separate national enterprises on the foreign authoritative stock exchanges.

Application. The conceptual provisions offered in work on restoration of the Great Silk way will promote inclusion of the Republic of Uzbekistan in the world community, to define the directions and priorities of the interstate relations.

Keywords: *trade and economic relations, market of services, economic cooperation, foreign trade, integration communications, development of independent Uzbekistan, macroeconomic indicators, strategic partnership, trade, development of economy*

Об авторе

Зияева Мухтасар Мансурджановна, к.э.н., докторант, Ташкентский государственный экономический университет, Ташкент.

About author

Ziyayeva Mukhtasar Mansurdjanovna, Candidate of Sci. (Econ.), Person working for Doctor's Degree, Tashkent State University of Economics, Tashkent.

**Журнал «Проблемы рыночной экономики»
зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)**

**Лицензия Эл № ФС77-63284
от 06 октября 2015 г.**

**Выпуск № 1 за 2018 г.
опубликован на сайте журнала 25.05.2018**